Кафе маленьких чудес

Автор:

[Николя Барро](#)

Кафе маленьких чудес

Николя Барро

Азбука-бестселлер

Нелли Делакур двадцать пять лет, она обожает книги, не любит суеты и спешки, верит в знаки судьбы и тайно влюблена в профессора философии Даниэля Бошана, у которого пишет магистерскую диссертацию. А кроме того, Нелли не доверяет чересчур красивым мужчинам и никогда, ни при каких обстоятельствах не летает на самолетах! Впрочем, сбежать среди зимы из холодного Парижа в сказочную Венецию можно и на поезде, особенно когда в твоей жизни все почему-то идет не так и нужно срочно избавиться от страданий из-за безответной любви... И вот однажды январским утром, сняв в банке все свои сбережения, Нелли легкомысленно отправляется в путешествие, которое станет главным приключением ее жизни, а также заставит нашу героиню в корне изменить некоторые ее взгляды на мир...

Роман печатается впервые на русском языке.

Николя Барро

Кафе маленьких чудес

Nicolas Barreau

DAS CAFE DER KLEINEN WUNDER

Copyright © Thiele Verlag in der Thiele & Brandst?tter

Verlag GmbH, M?nchen und Wien 2016

All rights reserved

First published in Germany by Thiele Verlag.

This agreement by arrangement with SalmaiaLit.

© И. Стреблова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

...Почему Венеция оказывается совсем не тем городом, который ожидает увидеть Нелли Делакур, почему порой просто необходимо бросить в Гранд-канал свою новую сумочку и без оглядки довериться возмутительно красивому венецианцу, почему, наконец, нужно быть легкомысленной и безрассудной, – обо всем этом рассказывается в волшебной истории любви Николая Барро, от которой читателю будет очень трудно оторваться.

Amazon

Женщина сталкивается с мужчиной, романтическая комедия сталкивается с комедией дель арте, и над всем царит дух Венеции. Можно только сказать: ах!..

Brigitte

Николя Барро родился в 1980 году в Париже. Изучал романские языки и историю в Сорбонне, защитил диссертацию. Работает в книжном магазине на левом берегу Сены, но «книжный червь» – это кто угодно, но только не он... Его литературным дебютом в 2009 году стал роман «Ты найдешь меня на краю света», который принес автору известность.

Произведения Николя Барро пользуются неизменным успехом у читателей и переведены на многие языки: английский, итальянский, испанский, португальский, польский, норвежский, литовский... Только все ли мы знаем об авторе «Ты найдешь меня на краю света», «Улыбки женщины» и «Однажды вечером в Париже»?

– Я верю в хеппи-энды. Это единственное, что мне представляется логичным.

– Так, значит, вы за сказку?

– По-моему, всем нам иногда хочется немножко волшебства, разве не так?

Из фильма Питера Богдановича

«Мисс Переполох»

Пролог

Нелли предпочитала жить в размеренном темпе. Ей больше нравилось ходить прогулочным шагом, чем куда-то бежать, и она всегда долго раздумывала перед тем, как принять какое-то решение. Вот и сегодня, неторопливо шагая по набережной мимо нескончаемой вереницы отчаянно гудевших, застрявших в

яростной пробке «железных коней», она упорно думала о Поле Вирильо и его теориях.

Действительно, есть что-то роковое в той гонке, в которой человек вечно стремится сам себя обогнать: непрерывное ускорение окружающего мира ни к чему хорошему не приведет. Но дипломная работа на степень бакалавра о Поле Вирильо свела Нелли с Даниэлем Бошаном, и это было очень хорошо. Вот уже одиннадцать месяцев три недели и пять дней она работала у профессора философии и все это время была потаенно в него влюблена.

Ну да, глубоко потаенно. Временами Нелли убеждала себя в том, что предвкушение счастья, которое ожидает их впереди, даже лучше, чем его осуществление. Что может быть прекраснее, чем, лежа в постели, мечтать под ночными небесами о чаемом блаженстве, рисуя в своем воображении то, что, может быть, когда-то произойдет?

Робкая улыбка скользнула по лицу девушки, когда она непроизвольно покрепче ухватилась за ремешок кожаной сумки, которая висела у нее через плечо. Сегодня утром Даниэль Бошан оставил ей на автоответчике сообщение, что ему нужно о чем-то с ней переговорить! Почудилось ей только или голос профессора действительно звучал на этот раз иначе, чем обычно?

Этот крупный вежливый мужчина, слегка приволакивавший правую ногу после так и недолеченной травмы, полученной в юности из-за велосипедной аварии, сразу же приворожил ее живым взглядом водянисто-голубых глаз. Она никогда не забудет и всегда будет ему благодарна за то, что в первый день ее работы на кафедре он специально пришел в университет пораньше, чтобы встретить новую сотрудницу. Боясь опоздать на работу, Нелли примчалась в тот день, почти год тому назад, ни свет ни заря и, взбежав по лестнице на этаж, где проходил семинар, обнаружила, к своему удивлению, что в кабинетах философского факультета еще не было ни души. Только в секретарской тлела какая-то жизнь – на свободном письменном столе одиноко стояла дымящаяся чашка *café au lait*[1 - Кофе с молоком (фр.)]. Мадам Борель, которой Нелли должна была доложить о своем приходе, тоже еще отсутствовала. В нерешительности Нелли прошлась взад и вперед по коридору и в конце концов постучалась в кабинет Бошана. Она несмело взялась за дверную ручку, но не успела нажать, как увидела в конце коридора самого профессора, который спешил ей навстречу своей характерной, чуть прихрамывающей походкой.

– Так я и знал! – произнес он, и глаза его дружелюбно блеснули из-за больших очков. – Моя новая ассистентка уже на месте, и никого нет, чтобы ее встретить.

Улыбаясь, он пожал ей руку, затем не спеша отпер дверь своего кабинета и пригласил ее войти:

– Заходите, пожалуйста, мадемуазель Делакур! Извините, что вам пришлось ждать. Народ здесь чертовски растяжимо толкует термин «cum tempore»[2 - На четверть часа позже указанного времени (лат.) – о допустимом времени опоздания преподавателя на лекцию.]

Он пододвинул ей стул к заваленному бумагами и книгами столу, а сам с облегчением плюхнулся в кожаное кресло.

– Во всяком случае, добро пожаловать в нашу разгильдяйскую команду! С вами, я это чувствую, все непременно пойдет гораздо лучше. Разрешите предложить вам чашку кофе, пока мы будем дожидаться прихода мадам Борель? Это произойдет явно не очень скоро, – весело подмигнул профессор.

С этого момента сердце Нелли было отдано ему безвозвратно.

Такое, надо сказать, уже бывало с ней и раньше. В студенческие годы случалось, что ей мог приглянуться тот или иной из сокурсников. Но сейчас все было по-настоящему. У нее появилась настоящая работа. А профессор Бошан был настоящий мужчина – не какой-то влюбленный мальчишка, который дрожащей рукой пытался потрогать ее грудь, а сам даже не знал, как завязать разговор с женщиной.

Нелли выросла в семье, где мать была владелицей книжной лавки и, страстно увлекаясь своим делом, нередко оставляла манеж с младенцем возле набитых книгами полок, а сама, с головой погрузившись в чтение увлекательного романа, совершенно забывала о существовании своей малышки, между тем как дитя вместо игрушек мирно забавлялось с книжками, вытаскивая их с полки одну за другой. Так случилось, что Нелли с детства больше всего на свете любила книги. Вечера же она проводила на коленях у отца, инженера-строителя по профессии, человека с нежной и любящей душой. Но родители рано умерли, оба погибли одновременно в результате несчастного случая, об этой трагедии Нелли никогда

не вспоминала в разговорах. Неудивительно, что она влюбилась в такого мужчину – не молодого, но и не старого, высокообразованного, но не высокомерного и хорошо понимавшего женщин (наблюдая очевидные проявления этого качества со стороны, Нелли испытывала неприятное чувство ревности).

К счастью, профессор Бошан не был красавцем. К красавцам Нелли Делакур относилась с глубоким недоверием. Красавцы, как правило, бывают самовлюбленными эгоистами с пустой головой, оттого что все в жизни им дается слишком легко. А эта нескладная походка, боксерский приплюснутый нос и стиснутые узкие губы никогда не позволили бы ему завоевать премию в конкурсе красоты, но умные глаза и обаятельная улыбка делали их обладателя, так интересно и увлекательно рассказывавшего о Поле Вирильо и Жане Бодрийере, в глазах Нелли чрезвычайно притягательным.

В последовавшие затем недели Нелли незаметно навела справки о своем новом менторе: оказалось, он был женат один раз и один раз разведен, живет в районе парка Бют-Шомон, не имеет постоянной подруги и, как выяснилось, является большим поклонником Фрэнка Синатры. Ну что ж, для начала уже кое-что!

Дело в том, что Нелли знала все песни Синатры. Так вышло потому, что в детстве ей разрешали ставить все пластинки из папиной коллекции, и это было для нее всегда как награда и знак величайшего доверия. Бережно и сосредоточенно, как учил папа, чтобы не повредить нежную иголку, она опускала ее на виниловую пластинку и слушала тихое потрескивание, после которого раздавался бархатный голос Фрэнка Синатры. Это было подобно маленькому волшебству, от которого преображалось все в комнате. Забравшись с ногами в большое вольтеровское кресло, девочка с каштановыми кудрями смотрела, как танцуют родители под звуки «Somethin' stupid»[3 - «Глупые слова» (англ.)] или «Strangers in the night»[4 - «Странники в ночи» (англ.)]. Тогда ее мир был еще в целостности и сохранности, и Нелли навсегда запомнила ощущение покоя и уюта, которое охватывало ее в те вечера, когда музыка и сгущающиеся сумерки окутывали ее шелковым коконом и она испытывала такое чувство безопасности, какого в дальнейшей жизни ей никогда больше не довелось изведать. Остались песни Синатры и смутная тоска, нападавшая на нее, когда она слышала эти песни.

И вот теперь она встретила человека, который, как и она, любил старого Фрэнка Синатру! Иногда Нелли воображала, как она будет танцевать с профессором под

«Somethin' stupid», свою любимую песню. И это еще не все, что у них было общего! Фрэнк Синатра, старые фильмы с Хамфри Богартом и Лорен Бэколл, его пристрастие к рыбному супу с острым соусом руй (это уж действительно нечто чисто бретонское!) и грушевому пирогу. А еще он больше любил море, чем горы; ему нравился испанский художник Соролья[5 - Хоакин Соролья-и-Бастида (1863-1923) - испанский художник-импрессионист.] (тогда как все вокруг восторгались французскими импрессионистами!), а в те давние времена, до того как состоялось их знакомство, он купил в «Галерее 21» на Вогезской площади картину Лоранс Бост[6 - Лоранс Бост (р. 1972) - французская художница.]. (У самой Нелли был дома только каталог этой художницы. Но все же - какое невероятное совпадение!) То, что он клал в кофе со сливками ровно одну ложечку сахара, было еще одной, очередной, общей чертой. Ну и в довершение, конечно же, Вирильо! И хотя об этом философе, чей критический взгляд на мир времен постмодерна оказался ей так близок, Нелли впервые услышала на одной из лекций Бошана, она и в этом увидела знак судьбы.

В течение последних месяцев Нелли составила подробный «Список совпадений». Со всей несомненностью этот перечень доказывал, что они с профессором созданы друг для друга. В основе всех хороших отношений всегда лежат сходные предпочтения и интересы - так говорила еще ее бабушка-бретонка, а Клэр Делакур была умной женщиной с большим жизненным опытом, и Нелли всегда прислушивалась к ее мнению.

Нелли поправила почти соскользнувший с погончика осеннего плаща ремень своей тяжелой сумки, подтянув его повыше, и ее губы дрогнули в смешливой улыбке. Профессор Бошан наверняка очень бы удивился, если бы его скромная ассистентка выложила у него перед носом «Список совпадений». В сущности, все между ними было ясно, как нынешний парижский солнечный осенний денек, но хотелось бы знать, когда же наконец профессор признается ей в любви? Этот большой неуклюжий мужчина проявлял по отношению к ней такую душевность, что это постоянно давало девушке все новую пищу для бесчисленных романтических сценариев (к сожалению, всего лишь воображаемых), но ни разу Бошан не перешагнул границ приличия, за исключением разве что одного случая, когда он после летнего праздника задержал ее руку в своей, кажется, чуточку дольше, чем принято.

- У вас очень красивое платье, мадемуазель Делакур, совершенно прелестное! Вам очень идет, когда вы не так самозабвенно работаете, - сказал он тогда, прощаясь с ней перед очаровательным маленьким ресторанчиком «Роза Бонёр»

в самой глубине парка Бют-Шомон, куда Бошан пригласил своих сотрудников отметить окончание семестра. – Поверьте мне, ни одна книга на свете не стоит того, чтобы ради нее забывать о жизни. Выходите почаще из дома, чтобы развлечься!

Нелли радостно заулыбалась и смущенно перевела взгляд на цветные фонарики, развешанные среди деревьев; они создавали идеальную декорацию для романтической прогулки при луне. Но ей не хватило находчивости, чтобы придумать остроумный и дерзкий ответ, что-нибудь вроде: «Нужно ли понимать это как предложение, месье Бошан?»

Так поступила бы на ее месте Лорен Бэколл и обольстительным жестом подставила бы сигарету, чтобы он дал ей огня. Но у Нелли не было сигареты, она молчала как дурочка и только молилась, чтобы щеки не залились горячим румянцем. А потом вдруг взяла и лягнула:

– Но мне правда очень нравится моя работа!

«Но мне правда очень нравится моя работа» – такие слова способны разрушить всякое очарование. Это просто наводит тоску. Не хватало только больших очков в черной роговой оправе! Злясь на себя, Нелли мысленно так и видела перед глазами пляшущих на радостях злобных гномиков.

Бошан тогда посмотрел на нее задумчивым взглядом.

– Иногда, глядя в эти красивые глаза, мне делается любопытно, какие мысли роятся там в глубине, за сетчаткой, – произнес он, посмеиваясь.

– Это мой секрет, – смущенно ответила Нелли и, понятное дело, сберегла его слова в памяти как драгоценное сокровище, чтобы, вернувшись домой, потом еще долго поворачивать их так и сяк, стараясь разгадать смысл.

А дальше она продолжала заниматься тем, что умела делать лучше всего: работала дольше всех (с трудом согласилась даже пойти в отпуск) и все ждала знака, который покажет, что настал решающий момент. Надеясь стать незаменимой, она постоянно была на месте и чувствовала себя совершенно счастливой, если в конце долгого рабочего дня, после того как все уже разошлись по домам, ей выпадал случай обменяться парой слов на неслужебную

тему с Даниэлем Бошаном, который обеспокоенно спрашивал свою хорошенькую и до невозможности добросовестную молоденькую ассистентку, есть ли у нее вообще какая-то личная жизнь.

В отличие от многих нынешних людей, которые вечно торопят события, Нелли Делакур владела позабытым искусством ждать и не торопить события. Всему свой час, полагала она. Но одиннадцать месяцев три недели и пять дней сладостного ожидания даже ей представлялись уже вполне достаточным сроком, и сейчас, бредя вдоль берега Сены, она вдруг почувствовала, что нынешний день ознаменуется решающим поворотом. Профессор Бошан хочет о чем-то с ней переговорить. Нелли ощутила вдруг, как сердце в груди забилось сильнее.

Она была так погружена в свои мысли, что только в последний момент обратила внимание на сгрудившуюся возле моста Пон-Нёф толпу. Слышались восхищенные возгласы, прохожие зачарованно глазели вверх, запрокинув головы; на миг все словно замерли в прозрачном воздушном коконе, как будто над головами происходит какое-то чудо. Нелли заслонилась от солнца рукой и, щурясь от света, посмотрела туда же и тут увидела: над рекой плыл по воздуху роскошный шар-монгольфьер; мерцая на солнце розовыми и золотыми красками, он бесшумно летел над Парижем.

Как чудесно, должно быть, вот так плавно лететь в небесной лазури, легко воспарив над землей, когда стоит только протянуть руку, и ты, словно любящее сердце, пустившееся в романтическое путешествие, коснешься облаков! На миг Нелли увидела себя летящей в вышине над городом. Затем вздрогнула и покачала головой.

– Я бы так никогда не смогла! – сказала она про себя, провожая взглядом воздушный шар, который вскоре исчез за горизонтом.

1

Хорошим, если верить в знаки судьбы, было то, что они помогали как-то ориентироваться в запутанной карте жизненных путей. Но плохо было то, что они отдавали вас на произвол ваших несовершенных решений, если вы

ошибочно истолковывали эти знаки.

Она все испортила! Ей подвернулась неожиданная удача, а она все испортила. Целых пять дней вместе с профессором Бошаном, вдвоем с ним по ту сторону Атлантики! Из груди Нелли вырвался стон отчаяния, когда она, как оглушенная, на заплетающихся ногах шла назад по улицам Латинского квартала, а вокруг всюду маячили влюбленные парочки, которые шли рука об руку мимо кафе и ресторанов или бросали друг на друга влюбленные взгляды поверх бокалов с вином! Это было ужасно! Непереносимо! И словно всего этого еще мало, в конце улицы Жюльен-ле-Повр, неподалеку от книжного магазина «Шекспир и компания», стоял американский студент, который играл на гитаре и с чувством пел песню Синатры «Come fly with me»[7 - «Полетели со мной» (англ.)].

«Let's fly, let's fly away...»[8 - «Давай улетим, давай улетим отсюда...» (англ.)] Молодой человек с белокурыми кудрями весело раскачивался в такт мелодии и еще издали улыбнулся, завидев Нелли. Когда она подошла ближе, он вложил в следующие слова всю обольстительность, на какую только был способен: «Once I get you up there... I'll be holding you so near...»[9 - «Как только мы окажемся на небесах... Я обниму тебя крепко-крепко...» (англ.)] И тут он, этот белобрысый парень, подумать только, еще заговорщицки ей подмигнул, сопроводив слова «up there» выразительным покачиванием бедрами. Нелли сердито сверкнула на него глазами и, проходя мимо, чуть было не пихнула ногой футляр от гитары, в котором уже лежало несколько монет и бумажек.

«It's such a lovely day...»[10 - «Это такой потрясающий день...» (англ.)] – громко пропел ей в спину уличный музыкант, чуть не свернув себе шею вслед удаляющейся красотке в осеннем плаще с погончиками, которая, высоко вскинув голову и распрямив плечи, направилась в близлежащий парк и села там на скамейку. Некоторое время Нелли неподвижно смотрела на свои синие туфли с ремешком. Затем пробормотала:

– Кто бы мог такое подумать!

Час назад она сидела в кабинете профессора Бошана, и он с улыбкой объявил, что имеет на нее некоторые виды:

– Я знаю, что это предложение застает вас врасплох, но...

У Нелли вдруг пересохло во рту.

- Да?

- Я подумал, не согласитесь ли вы поехать со мной на философский конгресс в Нью-Йорк? Сабине Марсо, с которой мы об этом договаривались, помешали неожиданно возникшие обстоятельства. Кстати, тема, о которой там пойдет речь, - Вирильо и новейшие техники мгновенной интерактивности, и я читаю там доклад «Где я, если я нахожусь всюду». Это, наверное, должно представлять для вас интерес в связи с вашей дипломной работой...

Какое огорчение для Сабины Марсо, зато для меня какая удача!

Нелли едва сдержалась, чтобы громко не закричать от радости. В голове закружился рой мыслей. Вот он, нужный момент, счастливый случай, которого она ждала все это время!

- Но это же... Это же...

Она покраснелась от радости и уже собиралась выразить восторженное согласие, как вдруг вспомнила одну вещь, от которой ее счастье лопнуло точно мыльный пузырь.

Съездить в Нью-Йорк означало лететь в Нью-Йорк самолетом. Маловероятно, чтобы профессор Бошан планировал морское путешествие на лайнере «Королева Мэри». А полеты были единственным, на что Нелли никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах не могла согласиться. Даже ради Даниэля Бошана она не взойдет на борт самолета. Сколько Нелли себя помнила, она всегда страдала ужасным страхом перед самолетами - и у этого были свои причины (хотя, надо признать, и несколько странные). Страх перед самолетами был ее тщательно скрываемой тайной, истоки которой коренились в детских воспоминаниях. Нелли ужасно стыдилась этого страха. Она ни за что бы в нем не призналась, тем более перед этим замечательным человеком, на которого она так хотела произвести впечатление. Страх перед самолетами смешон и постыден. Он ставит ее в дурацкое положение. В наше время все летают. Даже Поль Вирильо, сказавший однажды, что изобретение самолета равнозначно изобретению авиационных катастроф (что очень понравилось Нелли), наверняка как ни в чем не бывало летал себе на реактивных самолетах по всему свету, чтобы читать лекции о

теории скорости и аварий. Даже ее бабушка Клэр, впервые севшая в самолет после смерти мужа в возрасте пятидесяти семи лет, нашла этот способ передвижения замечательным. «Не успеешь кашлянуть, и ты уже в Италии. Ах, Италия! Как вспомнишь, сколько времени потребовалось нам с твоим дедушкой, чтобы добраться до Рима на машине...»

Хотя Клэр была родом из Финистера[11 - Финистер – департамент на западе Франции.] в Бретани, она просто обожала юг. Как, бывало, загорались ее глаза, когда она вспоминала об Искии, Амальфитанском побережье, Неаполе или Венеции! В такие мгновения Нелли узнавала в ней ту молодую светловолосую женщину в юбке в горошек и остроконечных туфельках на шпильке, которую она видела только на старых фотографиях.

Нелли смущенно заерзала на стуле перед столом, за которым сидел профессор, и повертела старинное гранатовое колечко на среднем пальце, которое торчало там, как малинка, и которое она получила в подарок от бабушки на свое двадцатилетие. Клэр, одна из немногих, кто знал про ее страх перед самолетами, протянула его ей со словами: «От души желаю тебе, детка, встретить однажды человека, с которым ты не побоишься летать».

Уже потом, много времени спустя, Нелли обнаружила выгравированные на кольце полустершиеся слова: «AMOR VINCIT OMNIA».

Любовь все побеждает.

Может быть, любовь действительно все побеждает и даже учит тебя летать, но все, что летает, может упасть, подумала тогда Нелли. Тогда она еще даже не знала теорий Поля Вирильо. Но старинное гранатовое кольцо из бабушкиной шкатулки стало ее счастливым талисманом, и она его почти никогда не снимала.

И вот она сидит перед своим профессором, приветливые слова которого доносятся до нее словно сквозь вату, и чувствует, как при одной мысли о том, что надо лететь из Парижа в Нью-Йорк и провести несколько часов без твердой почвы под ногами, у нее кружится голова.

– Думаю, что мы еще успеем переоформить заказанные билеты, – произнес в это время Бошан. – Ну, что вы на это скажете, мадемуазель Делакур? Составите мне компанию? Мне это было бы очень приятно.

– Мм... Д-да, – промямлила Нелли, листая с несчастным видом свой еженедельник. – И когда именно это нужно?

– В среду через две недели.

– Ах... Ну да... – Опустив голову, Нелли продолжала перелистывать страницы. – Боюсь... Боюсь только, что это, к сожалению, невозможно, потому что... В это время никак не получится...

И затем она наплела профессору довольно путаную историю про свою кузину Жанну, которой она как раз на упомянутую неделю обещала позаботиться о ее собачке, потому что кузина ложится в больницу и ей предстоит операция на коленном суставе («Это мениск, очень неприятная штука!»), поэтому, мол, очень важно, чтобы ее твякающая питомица Лула была на это время пристроена в надежные руки.

– Видите ли, я ей уже обещала и не могу так вдруг все отменить! – Нелли и сама слышала, как в ее голосе зазвучали истерические нотки. Она откашлялась и попыталась снова перейти на нормальный тон. – Что поделать! Лула вообще с причудами. Она чихуа-хуа. Знаете эту породу? Уж если Лула кого невзлюбит, тому с этим дрянцом вообще не справиться. Меня она, к счастью, признает. И поэтому... Так что я не могу, и я очень сожалею!

Тут Нелли закрыла свой еженедельник и молча подняла взгляд на профессора. В этой наспех придуманной истории была доля правды. Кузина, которая была на шесть лет старше Нелли, уже давно переехала в Париж. Она благополучно жила в районе Сен-Жермен, с коленями у нее все было в порядке, и она была хозяйкой небольшого кафе под названием «Друзья Жанны», куда Нелли с удовольствием сводила бы профессора, потому что фирменным блюдом там был вкуснейший грушевый пирог с лавандой. («Груши – еще недооцененный продукт», – приговаривала Жанна, доставая из духовки очередной ароматный пирог.) Что до Лулы, то она была миролюбивой собачкой, которая свободно помещалась в дамской сумочке.

– Гм, – произнес Бошан и растерянно посмотрел на свою ассистентку, которая сидела перед ним красная, как свекла, и явно очень взволнованная.

Затем он снова заговорил, стараясь ее успокоить:

– Не беспокойтесь, мадемуазель Делакур! Я предложил вам на всякий случай, но если у вас не получится, в этом нет ничего страшного. Наверняка найдется кто-нибудь другой, кто сможет поехать. – Профессор откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и улыбнулся. – А маленькому дрянцу Луле здорово повезло заполучить такую симпатичную няньку. Хотя, конечно, очень жаль, что так получилось.

– Да, очень жаль, – упавшим голосом повторила Нелли.

Послышался звон колоколов Нотр-Дам, и Нелли, которая все еще сидела на скамейке, глядя себе под ноги, уже в который раз спросила себя, как может женщина с таким великим именем оказаться такой неудачницей! Ибо Нелли, которую на самом деле звали Элеонорой, как это ни печально, не стала такой же волевой и бесстрашной, как знаменитая Элеонора Аквитанская, в честь которой была названа, потому что ее мать во время своей беременности увлеченно читала биографию этой выдающейся королевы. Маленькая Элеонора, как это вскоре выяснилось, к великому огорчению ее матери, оказалась скорее робкой, чем храброй, и скорее чувствительной, чем волевой, она пошла совсем не в ту породу решительных бретенок, какими были прежние представительницы семейства Делакур. Элеонора! Ну как могла мама с ней так нехорошо поступить! Нелли сердито отшвырнула ногой какой-то камешек. Это имя она ненавидела с детства, предчувствуя, что никогда не сможет до него дорасти. В то время как крепко сбитые кузины с визгом кидались в волны бретонского прибоя, маленькая Элеонора пряталась от накатывающихся на берег волн подальше в дюнах. Если за столом кто-нибудь вдруг скажет что-то не так, она убегала и запиралась у себя в комнате. В ранней юности она обижалась из-за пустяков. А в тринадцать лет избавилась от завещанного матерью имени, сменив его на уменьшительное Нелли.

Нелли хорошо помнила те вечера, когда она, сидя на бархатном синем диване с потертой обивкой, который стоял на кухне сложенного из местного песчаника дома с лиловыми ставнями, делилась с бабушкой крупными и мелкими горестями, от которых ей тяжело было на сердце. Клэр Делакур терпеливо слушала ее, стоя у огромной плиты, которую тогда еще топили углем, и пекла сладкие блинчики с шоколадным и миндальным соусом, от которых по кухне распространялся замечательный, утешительный аромат. У Клэр всегда

находился для любимой внучки хороший совет. «Деточка, – говорила она (для нее взрослая Нелли и в двадцать лет все еще оставалась деточкой), – деточка, не надо принимать все так близко к сердцу. Иначе тебе трудно придется в жизни. – Чтобы ободрить внучку, она ласково гладила ее по голове. – Нельзя быть такой мимозой, Нелли. Будь лучше розой».

Нелли сидела на скамейке, вертела гранатовое кольцо на пальце, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Как бы она хотела быть розой! Но она была не Скарлетт О' Хара, а всего лишь Нелли – трусиха, которая боится летать. По щеке у нее скатилась слеза, и вдруг перед глазами у нее появилось что-то белое. Это был носовой платок.

Нелли вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял, опершись на футляр с гитарой, белокурый уличный музыкант и, склонив набок голову, глядел на нее с сочувственным выражением.

– Why are you so blue, mademoiselle?[12 - Почему вы такая печальная, мадемуазель? (англ.)] – спросил он. – Такой хорошенький девушка, как вы, не должен быть такой грустный! – И, указывая на скамейку, добавил: – Можно?

Нелли взяла протянутый платок и кивнула. Иногда в жизни случаются такие обстоятельства, когда принять помощь от добросердечного уличного музыканта становится чем-то естественным.

– Well... What happened? Что случилось? Вы так горестно на меня посмотрели, когда промчал мимо.

Нелли невольно улыбнулась.

– Промчались, – поправила она.

– Yeah...[13 - Ага... (англ.)] Промчались, – засмеялся музыкант. – Боже мой, на секунда я даже боялся, что вы ступит на футляр от гитары. – Он скорчил забавную гримасу, его глаза весело блеснули. – Неужели я так плёко пел, что вы даже заплакал, а?

Нелли решительно вытерла глаза и помотала головой.

– Hell[14 - Черт возьми (англ.)], по крайней мере, я рад, что не из-за меня вы так огорчились, мадемуазель.

Сейчас было самое время встать и с достоинством удалиться. Но Нелли осталась сидеть.

– Вы летаете? – спросила она неожиданно, все так же глядя себе под ноги.

– Это в смысле... на... э-э-э, – он взъерошил свои густые волосы, – в смысле на самолете? Sure...[15 - Ну да... (англ.)] Я не приплыл через Атлантический океан. А вы что думал? – Он широко улыбнулся.

Нелли покивала головой, потом обернулась к нему.

– Вы хоть понимаете, как это опасно? – сказала она, понизив голос и многозначительно посмотрев ему прямо в глаза. – Изобретение самолета равнозначно изобретению авиакатастроф.

– Ну, это... – Он равнодушно пожал плечами. – Жизнь вообще – штука опасный. No risk, no fun![16 - Английская поговорка, по смыслу примерно то же, что «кто не рискует, тот не пьет шампанского».]

– А я, знаете ли, не летаю. Ни за что бы не согласилась! Ни за какие коврижки!

Он посмотрел на нее внимательным взглядом.

– И это вас сейчас мучит, да? – спросил он, удивленно подняв брови.

«Видимо, кто-то его научил добавлять по-французски в каждом вопросе словечки „да“ или еще что-то в этом роде», – подумала Нелли, затем откинулась на спинку скамейки и глубоко вздохнула.

– Я могла бы полететь в Нью-Йорк... Но пришлось отказаться. Видите ли, я никогда ни за что не сяду в самолет... А теперь ругаю себя.

Она снова толкнула носком туфли подвернувшийся камешек.

- Эй! Не надо огорчаться, мадемуазель! No worries![17 - Не стоит переживать! (англ.)] И вообще - для чего вам в Нью-Йорк, я ведь здесь! - пошутил он.

Нелли не откликнулась на его игривое замечание.

- Но я бы отправилась туда с человеком, который мне очень, очень нравится, понимаете?

- А этот... человек - он знает, что вы боитесь летать?

- Нет! - На лице Нелли отразился ужас. - Он не должен об этом узнать.

- Oh... well![18 - Ах вот что! (англ.)] - Уличный музыкант на секунду задумался. - А если поупражняться на авиасимуляторе? - предложил он.

- Поздно, - ответила Нелли. - До полета осталось всего две недели. - Она немного помолчала. - И теперь профессор Бошан, наверно, возьмет в Нью-Йорк другую сотрудницу, - пояснила она. - А мне бы так хотелось его сопровождать!

- Это очен обидно, - сказал уличный музыкант и сочувственно дотронулся до ее плеча.

- Ирония судьбы, - сказала Нелли. - Между прочим, у Вирильо сказано, что в самолете человек утрачивает местоположение в пространстве, а все это ускорение, достигаемое благодаря средствам передвижения и телекоммуникациям, которое перманентно испытывает на себе человек, ведет к разрушению реальности.

- О-о-кей... - протянул уличный музыкант, который не понял ни слова. - А этот Вирильо - он вам тоже небезразличен, да?

- Нет. - Нелли задумалась. - То есть в смысле как мужчина.

- Тогда как друг? - продолжал выяснять музыкант. - Как в «Гарри и Салли»?[19 - Имеется в виду американский фильм 1989 года «Когда Гарри встретил Салли».]

Нелли вздохнула:

– Послушайте, я с этим человеком вообще не знакома. Если бы познакомилась, то, может быть, мы стали бы друзьями. Но точно не так, как в фильме «Гарри и Салли». Вирильо – это просто человек, которого я очень уважаю как мыслителя. Понимаете? Он – дромолог.

– Дромо... кто?

Нелли снова откинулась на спинку скамейки и устремила мечтательный взгляд на башни собора Нотр-Дам, высившиеся на фоне безоблачного неба несокрушимо, как крепостная твердыня.

– Дромолог, – повторила она.

– Oh, wow! Вот это да! Просто сьупэр! И чем же занимается этот ваш дромолог?

– Он занимается ускорением и тем, какое воздействие оно оказывает на человеческий род.

– Cool![20 - Круто! (англ.)] – восхитился уличный музыкант. – Он провел рукой по светлой трехдневной щетине и, судя по выражению лица, серьезно задумался. – О дромологах, знаете, я никогда еще не слышал. Много их тут во Франции? – Он произнес это так, словно речь шла о какой-то редкостной разновидности вымерших ящеров, занесенной в Красную книгу, и Нелли невольно расхохоталась:

– Нет, по всей вероятности, не много. Но это не профессия, а скорее особое мировоззрение. Поль Вирильо – выдающийся французский философ и критик, и он, так сказать, изобрел дромологию. Поэтому он называет себя дромологом.

– Поньял, – сказал американец, и это была чистейшая ложь. Сложив губы дудочкой, он покивал, прежде чем вновь вернуться к первоначальной теме разговора. – Но при чем тут профессор, который хотел летать с вами в Нью-Йорк? – приступил он к расспросам. – И что, дромолог тоже туда летит?

Нелли мысленно застонала от его непонятливости. Она совершила ошибку, вступив в разговор с простоватым американским бардом, который о философских теориях имел такое же представление, как Нелли об управлении самолетом. Это была минутная слабость. Разговоры с незнакомцами ни к чему хорошему не приводят.

Она выпрямилась и небрежно махнула рукой:

– Ах, забудьте об этом! Слишком сложные вещи. Не буду вам больше надоедать, и вообще, мне пора идти.

Она встала и разгладила помятый плащ.

– Нет, что вы, совсем не пора! – Он тоже торопливо вскочил, заслонив своей двухметровой фигурой вид на Нотр-Дам. – Вы же остановились на самый интересный место, ведь так? Пожалуйста, расскажите мне поподробнее!

– Я же вас совсем не знаю!

– Я – Шон, – одарил он ее обезоруживающей улыбкой. – И я очень люблю сложные истории. Знаете, как говорят у нас в Мэне?

Нелли мотнула головой:

– Нет, не знаю. А как говорят у вас в Мэне?

– В жизни вообще все непросто. Life is trouble. Only death is not, you know[21 - Жизнь – сплошное беспокойство. Покой бывает в могиле (англ.)]. – Шон перекинул через плечо футляр с гитарой и протянул ей крепкую мужскую руку. – Пойдемте что-нибудь выпьем! – Он смотрел на нее с улыбкой во все лицо, а заметив ее колебание, добавил: – Да пойдемте уж. У нас в Мэне говорят еще, что нельзя бросать несчастную женщину одну, пока она снова не будет улыбаться.

Нелли закусила губу:

– Очень остроумно! Уверена, что вы только что это придумали!

Через пятнадцать минут они уже сидели за столиком у «Друзей Жанны». Нелли, недолго думая, привела своего нового знакомого через запутанные улочки Латинского квартала к заведению кухни, которое располагалось в переулке рядом с улицей Бюси и занимало помещение размером с комнату обыкновенной квартиры. Жанна стояла за стойкой из темного полированного дерева и была немало удивлена, увидев в дверях Нелли со спутником двухметрового роста. Войдя, они направились к столику в самом дальнем углу.

– Mon Dieu[22 - Господи (фр.)], где это ты подцепила такого парня? – громким шепотом обратилась к кухне Жанна, когда Шон отошел к витрине, где были выставлены пирожные и другие десерты. – Этот для разнообразия выглядит очень даже ничего!

– Да нет, скорее уж это он меня подцепил, – мгновенно отпарировала Нелли, метнув тревожный взгляд в сторону витрины. – И пожалуйста, Жанна, не надо так громко орать!

Жанна невозмутимо поставила на круглый столик две большие чашки кофе со сливками:

– Да ладно тебе! Я же шепотом.

– Шепотом ты вообще не умеешь.

– Ах, благодарю, мадемуазель Комильфо! – Широко улыбаясь, Жанна поправила выбившуюся из прически прядь. Ее густые белокурые волосы были уложены на затылке большим, пышным узлом, который держался на одной резиночке.

В отличие от Нелли, у рослой Жанны не было недостатка в видных кавалерах. Ей бы и в голову не пришло забраковать мужчину только за то, что он хорош собой. Напротив, для нее мужчиной мог считаться только тот, кто был ростом не меньше чем метр семьдесят.

– Я сама высокая, так что мне глупо было бы с гномиками водиться. Пускай уж они останутся Белоснежке. И что это вообще за разговор – «он слишком красивый»! Выдумаешь тоже! Не бывает такого, как ты говоришь: «чересчур хорош» или «чересчур богат», это как здоровье или как вкусненькое – их тоже не бывает чересчур.

Критерии, которыми руководствовалась Жанна, были очерчены достаточно четко. На каждой вечеринке она с полным бокалом шампанского целеустремленно направлялась в сторону самого видного мужчины в компании и развлекалась на всю катушку. Взгляды младшей кузины на этот счет представлялись ей более чем странными.

– У тебя, голубушка, предрассудков немерено. Ты это хоть сама сознаешь? – говорила она всякий раз, когда речь заходила о мужчинах. И в отличие от Нелли, Жанна часто заводила такие разговоры. – Зачем тебе непременно нужен лысый урод, когда можно найти Адониса?

– Не было у меня никогда лысых уродов, – обиженно возражала ей Нелли. – А зачем тебе дурак, когда можно найти умного? Никак ты боишься умных мужчин?

– Да ну тебя! Одно другого не исключает, – говорила Жанна, очевидно полагавшая, что все мужчины умные, даже те, которые наделены от природы лучистыми глазами, прямым носом, твердым подбородком, густыми волосами и атлетическим телосложением. – Знаешь, Нелли, у меня на этот счет совсем другая теория! – добавляла она, блестя зелеными кошачьими глазами.

– И какая же?

– Ты боишься красивых мужчин, потому что не веришь в себя, *c'est tout!*[23 - Только и всего (фр.).]

– Ой, ну что бы я делала без твоей доморощенной психологии?

– Вот и я себя часто об этом спрашиваю!

Хотя относительно мужчин они придерживались разных взглядов, Нелли в глубине души была рада, что в лице землячки-кузины, с которой они были

знакомы с детства, у нее есть близкий человек, к которому всегда можно прийти. В огромном Париже Жанна была для нее частью малой родины, и Нелли любила заходить в ее уютное кафе, причем не только ради грушевого пирога, которым в детстве по воскресеньям баловала девочек бабушка.

Жанна всегда была весела, и ничто не могло выбить ее из колеи. И Нелли было приятно знать, что рядом есть человек, который, даже если наступит конец света, устоит среди всеобщего разрушения, как скала в волнах прибоя.

Хотя сейчас она предпочла бы, чтобы Жанна не торчала так упорно в своем длинном зеленом фартуке возле ее столика, дожидаясь, когда за него сядет американец, который как раз отошел от витрины и направился к ним.

– Ну как? Что-нибудь выбрали, месье? – спросила Жанна, одобрительно оглядев Шона, который усаживался за стол, пытаясь поудобнее примоститься на маленьком стульчике.

– Ваши пирожные выглядят так аппетитно, что трудно выбрать, – произнес Шон на ломаном французском. – Но я подумал, что нужно взять грушевый пирог – или, может быть, правильно будет грушевый? Такого я еще никогда не поглещал...

Кузины переглянулись, и обе приснули.

– Непременно попробуйте, месье, он хорошо поглощается. Этот грушевый пирог с лавандой – наше фирменное блюдо. Удачный выбор! – Жанна довольно улыбнулась, и Нелли уже заранее знала, что она скажет дальше. – Я всегда говорила: груши – еще недооцененный продукт.

Нелли выразительно закатила глаза.

– Кстати, я – Жанна. Но кузина, наверно, вам это уже сказала, – объявила Жанна, сходяв за пирогом и поставив на стол две большие порции.

– Да, конечно... да! – Шон улыбался светловолосой хозяйке кафе, высившейся над ним подобно темно-зеленому маяку, и в своем стремлении сказать ей что-то приятное даже перестарался. – Вы совсем не покожи на кузин! – пошутил он.

Ложечка в руке у Нелли опустилась на мягкую печеную грушу, которая золотистым холмиком проступала из-под густого слоя сбитых сливок.

Всякому человеку с нормальным зрением было видно, что между ней и Жанной сходство весьма условное!

– Вас можно принять за сестер! – воскликнул он и снова заулыбался.

Нелли чуть не подавилась.

– Неужели у вас в Бретани все женщины такие красивые? Тогда надо скорей ехать туда!

Шон засмеялся. Жанна засмеялась. Нелли посмотрела на них и положила в рот новый кусочек пирога.

– Не все, – ответила наконец Жанна и бросила на Нелли выразительный взгляд, говоривший, что она оценила шутку американца. – Так что оставайтесь лучше в Париже!

Она заботливо поправила на столе тарелочку Шона и кофейную чашку, чтобы они удобнее разместились на маленькой мраморной столешнице. Затем опять обернулась к Нелли:

– Не хочешь представить мне своего нового друга?

Нелли проглотила кусок, который был у нее во рту, но не успела она заговорить, как американец вскочил, толкнув при этом столик, так что стоявшие на нем большие белые чашки с зеленой каймой угрожающе зашатались.

– О, простите, простите! – воскликнул он. – Как невежливо с моя сторона! Мне давно надо было представиться. Я Шон. Шон О’Малли.

– Жан? – обрадовалась Жанна. – Значит, вас зовут так же, как меня.

– Его зовут не Жан, а Шон, – вступила в разговор Нелли, решив, что ее кузине, которая всегда была склонна делать себя центром внимания, пора бы уже

удалиться на свое место за стойкой.

– Yeah, Шон, – подтвердил Шон, и в его произношении это действительно прозвучало почти что как «Жан». – Я живу в Мэне, но моя семья родом из Ирландии. Мы с вашей кузиной только что познакомились на скамеечке в парке. Она была такая... – И тут он ошарашенно замолчал, получив чувствительный пинок под столом, несомненно нанесенный синей туфелькой с ремешком.

– Шон интересуется Полем Вирильо, – быстро вмешалась Нелли.

Надо было срочно остановить Шона, чтобы он в своей простодушной раскованности не выболтал что-нибудь лишнее, чего совершенно необязательно было знать Жанне, потому что Жанна Делакур была не в курсе того, какие высокие чувства питает младшая кузина к своему профессору. Пускай это так и останется до тех пор, пока положение дел не изменится таким образом, что будут исключены любые неподобающие высказывания. Хотя имя Бошана уже не раз возникало в разговорах кузин – его упоминания было трудно избежать, поскольку Нелли у него работала, – сама она сознавала, что уважаемый профессор далеко недотягивает до того, чтобы его можно было причислить к десятке самых сексуальных мужчин на свете. С Жанной они виделись только один раз, эта случайная встреча произошла летом, когда кузина как-то вечером зашла за Нелли в Сорбонну. Но обаятельный Бошан, как и следовало ожидать, не произвел на Жанну особенного впечатления. «Что-то с виду не скажешь, что ему только тридцать пять лет, правда? – сказала тогда Жанна, и это было единственное замечание, которое она сделала, когда они, выйдя из университета, спускались по ступеням. – Он, кажется, хромает?» Было бы напрасной тратой времени объяснять прозаической Жанне, почему ей все в Бошане кажется необыкновенным – даже его покачивающаяся походка, про которую Нелли никогда бы не сказала, что это хромота.

– Вирильо? – Брови Жанны вопросительно изогнулись. Затем она как будто вспомнила, что уже однажды слышала это имя. Как-никак Нелли, начав писать дипломную работу, только о нем и говорила. – А-а-а, Вирильо! Да, моя кузиночка занимается очень мудреными вещами – она у нас всегда была самая умненькая в семье. А что, Жан, вы тоже занимаетесь философией?

Шон в ответ энергично замахал руками.

– О нет... нет! – запротестовал он. – Просто мне это кажется очень интересным. Я только что получил инженерный диплом, но сейчас я решил сделать a break[24 - Пауза (англ.).] и путешествовать по Европе с гитарой. Я неплохо пою, правда? – Он постучал по прислоненному к стулу футляру, в котором лежала гитара, и подмигнул Нелли. – Но я всегда стараюсь – как это называется – расширить свой кругозор.

– Ну, так я не буду вам мешать, – с улыбкой сказала Жанна, и Нелли по лицу кухни ясно увидела, что та при этом подумала: высокий, видный (!) мужчина, который не только получил инженерное образование и прилично говорит по-французски, но еще и с музыкальным талантом, общительный и вдобавок интересуется философией!

«А что я говорила!» – читалось в ее взгляде, который она бросила, прежде чем отойти от столика в самом дальнем углу, оставив Нелли и Шона наедине.

Шон съел кусочек грушевого пирога, отпил немного кофе из чашки, затем перегнулся через столик и, понизив голос, с нетерпением попросил:

– So[25 - Итак (англ.).]. Теперь, когда нас не слушает ваша кухня, расскажите мне о дромологии. – И, подмигнув, добавил: – Так что там была за запутанная история между этим Вирильо, летающим профессором и вами?

3

Сколько себя помнила Нелли, ее всегда мучили страхи. Страх, что за занавеской прячется какой-нибудь злоумышленник, страх перед темнотой, страх, если кто-нибудь запаздывает, страх, что ее бросят одну, страх, что она не справится с порученным делом, страх застрять в лифте, страх, если среди ночи вдруг зазвонил телефон, страх, что кто-нибудь вдруг заболит, страх, что нахлынет гигантская волна и все утонет, страх, что случится что-то ужасное.

Жизнь казалась чем-то ненадежным и не располагала к спокойствию. С ранних лет Нелли поняла, что люди со всеми своими мечтами, стремлениями и надеждами ходят в этой жизни по тонкому льду, и в любой момент, когда все,

казалось бы, идет замечательно и великолепно, когда ничто не предвещает беды, лед может неожиданно под тобой проломиться.

Поэтому нужно все время быть начеку, никогда не расслабляться, потому что жизнь устроена так, что, пока ты смотришь в окно, ничего не происходит, но достаточно на минутку отвлечься, как тут же все и случится.

Как тогда, когда она восьмилетней девочкой помахала родителям, которые с двумя чемоданами в радостном отпускном настроении садились в старенький папин «ситроен», чтобы лететь на остров с названием, словно взятым из сказки. На остров, где, как рассказывала мама маленькой дочке, воздух пахнет мускатным орехом, а белый песчаный берег окаймляют высокие пальмы, за которыми простирается море, совсем не такое, как наш серо-голубой, тяжело вздымающийся Атлантический океан. Оно светлое и теплое, мерцающее, как сапфир, и такое прозрачное, что ты видишь, как вокруг твоих ног плавают рыбы, расцвеченные всеми цветами радуги.

Занзибар.

Мама много лет уже мечтала посетить этот остров, и Нелли редко доводилось видеть ее такой счастливой и возбужденной, как в это утро.

– Господи, я в самом деле лечу на Занзибар! – воскликнула она, сев в ярко-голубой «ситроен» и обернувшись на прощание к дочери, которая нетерпеливо махала родителям рукой из окна детской комнаты.

Но в Занзибар они так и не полетели, и Нелли никогда больше не суждено было увидеть голубой «ситроен». А также родителей.

И все это только из-за ее недосмотра! Наверное, надо было подольше постоять тогда у окна. Пока машина не исчезнет из вида на длинной прямой дороге, которая вела из города. Наверное, надо было мысленно следовать за родителями. А Нелли вместо этого отвернулась и, напевая песенку, сбежала вниз по лестнице, потому что ей не терпелось поскорее опробовать с подружкой Камиллой новые качели, которые папа утром установил для них в саду. По ее недосмотру родители даже не доехали до Парижа. По пути в аэропорт им навстречу выехал большой грузовик с усталым водителем, его вынесло на встречную полосу, и огромная фура смяла голубую легковушку, как игрушечную.

С этого рокового дня слово «летать» приобрело для Нелли страшный привкус опасности и смерти. Мир внезапно необратимо перевернулся, а восьмилетняя девочка получила неизлечимую психологическую травму, которая породила в ее уме нелепое убеждение, будто бы ужасное несчастье произошло потому, что ее родители собирались лететь на самолете, притом что никакой катастрофы не было, а мадам и месье Делакур даже не ступили на борт самолета. Детская логика порождает иногда странные представления, от которых человек потом не может избавиться всю жизнь.

Многие годы спустя, когда Нелли наконец поняла, что ее родители погибли вовсе не в авиационной катастрофе, сама мысль о том, чтобы сесть в самолет, продолжала вызывать у нее приступ панического страха, и Клэр, которая после смерти родителей взяла девочку под свое крылышко, могла сколько угодно объяснять ей, что в голове у нее, очевидно, произошло неправильное соединение двух синапсов и на самом деле гораздо логичнее было бы бояться не самолетов, а машин (ездить в машине Нелли не боялась), – все было напрасно. Сколько бы Жанна ни твердила ей про статистику, согласно которой авиасообщения объявлялись самым безопасным видом транспорта, Нелли оставалась при своем мнении. Среди всех страхов Нелли самым сильным, по видимому, был страх полетов. С течением времени этот страх превратился в сознательную установку, которую Нелли не афишировала, так как стеснялась своей авиафобии, притом она старательно избегала расспросов о том, почему не летает на самолете, поскольку это неизбежно привело бы к разговору о самой большой катастрофе в ее жизни.

Она упорно держалась своего принципа никогда не летать, настаивая на этом даже с чувством некоторого превосходства, как будто это означало принадлежность к узкому кругу избранных людей, обладающих особым знанием, которое отличало их от подавляющего большинства варварских представителей Нового времени. Находиться в битком набитом летательном аппарате, где люди сидят как сельди в консервной банке, с точки зрения Нелли, было так же противно человеческой природе, как и вообще передвижение по воздуху. С какой стати, скажите на милость, человеку вообще отрываться от твердой почвы под ногами? Если уж путешествовать, то как Марко Поло: ездить сухопутным и водным транспортом. Человек не предназначен для полета, и это видно хотя бы по тому, что он рождается не с крыльями, а с руками. С руками, у которых, в отличие от крыльев, есть то преимущество, что ими можно кого-то обнять, чего не способна сделать никакая птица.

Сама того не сознавая, Нелли делала из недостатка достоинство. Она никогда ни с кем не делилась подробностями той огромной беды, которая черной тенью накрыла ее жизнь. Она только говорила, что ее родители, к сожалению, умерли рано и она выросла у бабушки, а если у кого-то хватало бестактности продолжить расспросы, она одним выразительным взглядом своих потемневших, как дождевая туча, глаз останавливала любопытных, сказав только, что не любит об этом вспоминать. И только два человека знали о ее страхе перед полетами: ее бабушка Клэр и кузина Жанна.

Оказавшись в восемнадцать лет в Париже и поступив в университет, где она в качестве главных предметов выбрала итальянский язык и философию, она, к своему удовольствию и, признаться, с некоторым чувством удовлетворения, узнала, что есть такой французский философ и критик, который, хотя и в несколько другом контексте, чрезвычайно скептически относится к самолетам. Этим человеком был Поль Вирильо, и его учение о «дромологическом застое» сразу же показалось ей весьма убедительным.

Она наизусть запомнила поразившую ее первую фразу, с которой профессор Даниэль Бошан начал свою лекцию о Поле Вирильо: «Скорость света – непригодна для обитания».

Нелли тогда была на втором семестре обучения и как губка впитывала в себя новые знания. Аристотель, Руссо, Кант, Вольтер, Декарт, Кьеркегор и Сартр – все они пытались докопаться до смысла жизни, но то, что она услышала сейчас, на этой лекции, имело отношение лично к ней. В лице Вирильо она обрела единомышленника, поборника медленного темпа, который в своей теории скорости и катастроф резко критиковал ускорение современного мира. Но лучше всего было то, что самолеты для Вирильо – это объекты, лишённые местоположения, потому что человек в них не может себя «локализовать» и тем самым теряет ориентацию. Ему принадлежало и замечательное высказывание, что с появлением самолета неразрывно связано и появление авиакатастроф. Нелли чуть не закричала «ура», когда Даниэль Бошан процитировал эти слова философа.

Человек представляет собой пространственно-временное существо, которое в постоянно ускоряющемся мире все более утрачивает жизненное пространство. Вирильо рассматривал это как угрозу для человека, так как в результате он утрачивает и связь с землей. Человек нуждается в конкретном месте, чтобы там закрепиться, подобно тому как дерево, чтобы существовать, должно быть

укорененным в почве.

Нелли кивала и еле успевала записывать в тетрадь все новые мысли, которые она слышала. Она жадно ловила каждое слово профессора, приступившего к изложению учения о «дромологическом застое». Слово «дромология», очевидно, изобрел сам Вирильо, составив его из греческого *dromos* (беговая дорожка) и *logos* (наука). Этим словом он именовал теорию скорости, ее возникновения и влияния на человека.

Вирильо исходил из того, что первоначально человек двигался в естественно присущем ему темпе. Тогда мир был еще, так сказать, в порядке. Но с изобретением паровой машины и началом революции в средствах сообщения человек пустился наперегонки с самим собой, пока не достиг скорости света, с которой в век цифровых коммуникаций происходит передача электронных сообщений и информации, то есть такой скорости, которая самому человеку недоступна. Так где же находится человек, когда он присутствует сразу в двух местах? Локальная самоидентификация становится, согласно Вирильо, все более эфемерной, а конкретное географическое местоположение все более подменяют собой время и скорость, с которой человек преодолевает расстояние. Но так как во времени и скорости невозможно «локализоваться», это неизбежно приводит к отчуждению от действительности и ее виртуализации. Человек все больше превращается из действующего лица и автомата, еще знающего, что он делает, в теледействователя, перемещающегося даже не в физическом средстве передвижения – например, самолете, – а в виртуальном теле, в котором он преодолевает пространство, не сходя с места. Путешественник без пути, пассажир без рейса.

Самое же странное и замечательное во всем этом было следующее. Чем более в той пространственно-временной структуре, в которой на протяжении тысячелетий протекала жизнь человека, усиливался сдвиг в сторону времени, то есть чем более ускорялся окружающий мир, тем менее доступным он был для восприятия и тем статичнее становился сам человек. Благодаря автомобилю он стал мобильнее, чем когда-либо прежде, однако не двигается с места, застряв в пробке; сидя дома за компьютером, он со скоростью света передает электронные сообщения в Америку вместо того, чтобы поговорить с соседом на своей улице; он сидит, поджав коленки, в самолете, стиснутый в нем почти без движения, в то время как пространство без его участия преодолевается с безумной скоростью, что приводит к полному отчуждению человека от реальности и вообще от мира.

В какой-то момент, сказал Бошан в заключение своей блестящей лекции, человек после прогрессирующего тысячелетнего ускорения придет к тотальному регрессу и будет неподвижно сидеть, уставившись в мерцающий экран монитора, а передвигаться уже исключительно с помощью симуляции, окончательно изгнав себя из своего тела. Таков будет парадоксальный конец истории – «развивший бешеную скорость застой».

После этой лекции Нелли поняла, что будет писать дипломную работу о Вирильо. Она получила, так сказать, знак свыше. А когда благодаря отличной дипломной работе на нее обратил внимание и пригласил в ассистентки Даниэль Бошан, она также поняла, что по уши влюбилась в профессора.

Нелли задумчиво помешала ложечкой кофе, который тем временем уже совсем остыл.

– Жизнь иногда преподносит удивительные неожиданности, правда? – Она взглянула на Шона. – В том смысле, что вдруг я обнаруживаю, что есть кто-то, кто подвел под мой страх перед полетами научное обоснование, я пишу работу под названием «О невозможности путешествовать самолетом», влюбляюсь в своего профессора, в котором, мне кажется, я чувствую родственную душу и который находит мою работу замечательной, и тут вдруг все рушится из-за полета за океан! Это похоже на скверную шутку, ведь так?

Шон сочувственно кивнул:

– У нас в Мэне на это сказали бы: ирония судьбы.

– У нас в Париже сказали бы то же самое, – вздохнула Нелли.

Она бросила взгляд на часы и с удивлением обнаружила, что проговорила почти два часа. Было начало седьмого, и кафе до отказа наполнилось народом. Все места за столиками были заняты весело смеющейся и болтающей молодежью, посетители угощались запеканкой киш, бретонскими блинчиками с ветчиной и эмменталером или ели рыбный суп с соусом руй, запивая красным вином. Нелли почувствовала, что проголодалась.

Выплеснув свое горе, она поняла, что на душе полегчало. Встретившись с уличным музыкантом, который подсел к ней на скамейке и одолжил носовой платок, она сама не думала, что вскоре выложит кудрявому незнакомцу со смешным акцентом все, что у нее накопело. Больше всего ее удивило, что она впервые – за долгие годы! – заговорила с кем-то об аварии, в которой погибли ее родители. Нелли с любопытством разглядывала американца, который сидел перед ней в своей толстовке с капюшоном и смотрел на нее с ободряющей улыбкой. Все время рассказа он внимательно ее слушал, изредка вставляя вопросы и быстро пожимая ей руку, как только видел, что ей тяжело о чем-то говорить.

Наверное, рассуждала она, иногда бывает проще довериться постороннему человеку. Когда говоришь с чужими людьми, у них, в отличие от родственников и друзей, не бывает личной заинтересованности, да и слушают они тебя без предвзятости, и поэтому с ними легче выговориться.

– Хочешь знать мой мнение? – спросил в этот момент Шон.

Они сами не заметили, как перешли на «ты», и это было вполне естественно с человеком, перед которым ты раскрыла душу.

Нелли подперла подбородок рукой и сказала:

– Я слушаю.

– Не надо так сильно переживать из-за вещей, которые еще только могут случиться, – сказал он по-английски. – Don't worry about things that are not going to happen.

Нелли улыбнулась:

– Это опять поговорка из Мэна?

– Nope[26 - А вот и нет (англ.)]. Это я вычитал в одной потрясающей книге. Там тоже была женщина, которая постоянно из-за всего переживала. Она все время ждала чего-то плохого. – Он настойчиво посмотрел ей в глаза. – Это некорошо. Так что ты это прекрати, Нелли, прекрати сейчас же! – Словно желая

подчеркнуть свои слова, Шон постучал указательным пальцем по столу. – О'кей, это действительно сьуперплохо – потерять обоих родителей в таком раннем возрасте. Но не всегда же непременно случается все самое ужасное! Тебе надо больше доверять жизни. Твой великолепный профессор улетит на конгресс без тебя – so what?[27 - Ну и что? (англ.)] Он вернется, и вы снова будете вместе.

– В том-то и дело, что мы с ним не вместе! – сказала Нелли, повертев вилкой, которую держала в руке.

– Значит, надо делать что-то, чтобы так было, верно? Почему ты ему просто не скажешь, что любишь его?

Нелли аккуратно положила вилку рядом с тарелкой.

– Потому что... – начала было она, но только помотала головой. – Невозможно, пока не наступил подходящий момент.

– Is that so?[28 - Вот как? (англ.)] – Шон посмотрел так удивленно, что было ясно, какого он мнения насчет наступил момента.

– Да, я просто хочу дождаться подходящего момента.

Разговор начинал принимать такое направление, которое совершенно не нравилось Нелли. Она смущенно заерзала на стуле, ощущая на себе снисходительный взгляд американца.

– Well... Тебе лучше знать, – сказал он наконец. – Обещай мне только одно.

– Что именно?

– Не тяни слишком долго, ожидая подходящего момента. Если не повезет, он никогда не настанет.

Нелли немного делано засмеялась.

– Само собой, – сказала она, беря в руки меню. – Не совсем же я дурочка.

Воспользовавшись случаем, Жанна самолично принесла Galette de canard[29 - Гречневый блинчик с утиной грудкой (фр.).] и Salade au ch?vre[30 - Салат с козьим сыром (фр.).], хотя заказ принимала официантка, черноволосая Селина – девушка с короткой стрижкой и длинными, крупными серьгами. Шон с большим аппетитом принялся за тоненький гречневый блинчик с утиной грудкой, поджаристой снаружи и нежно-розовой внутри, и признался, что никогда в жизни не ел ничего более вкусного.

– Чудесно! – воскликнул он с набитым ртом. – Люблю французскую кухню! Это гениально, да? Если можно, мне бы еще красного вина, сильвуплэ![31 - S'il vous plait – пожалуйста (фр.).]

Жанна польщенно улыбнулась и налила в бокалы еще бордо.

– В таком случае, месье О'Малли, заходите еще!

– О да, да, непременно! – Шон приподнял бокал, показывая, что пьет за ее здоровье. – И пожалуйста, называй меня просто Шон – мы, американцы, обходимся без лишних церемоний.

Жанна громко рассмеялась своим грудным смехом:

– О'кей, Шон! – Вообще-то, она сказала «Жан», но, кроме Нелли, никто не обратил на это внимания. – Ну так кушайте, ребята, на здоровье. На закуску могу предложить вам Mousse au chocolat[32 - Шоколадный мусс (фр.).], сладкий, как любовь. – Она подмигнула кузине и величественно удалилась, чтобы усадить за только что освободившийся столик двух посетителей, дожидавшихся своей очереди у входа.

– Wow! Просто потрясающая женщина твоя кузина, – сказал Шон с неподдельным восхищением, провожая Жанну глазами. – Ты обращала внимание, что у нее походка, как у королевы?

Вино, как видно, развязало ему язык, подумала Нелли, пряча невольную улыбку.

– Не походка, а походка, – поправила Нелли, хотя в этом случае мысль о подходах тоже была не такой уж неуместной.

В ее взгляде мелькнула ирония, и Шон засмеялся.

Он сделал большой глоток вина и вытер губы салфеткой.

- Yeah! - пробормотал он. - Настоящая... tigresse[33 - Тигрица (фр.)].

Жанне наверняка бы понравилось, что ее называли тигрицей, подумала Нелли. Она тоже взялась за бокал и почувствовала на языке бархатный вкус бордо. Несмотря, а вернее, благодаря стоявшему в помещении кафе многоголосому гомону, она чувствовала приятную расслабленность. Она плыла по течению, и ее собственные заботы, казалось, растворились в этом море слов и мыслей. Шон был приятным собеседником и хорошим рассказчиком, он все очень живо описывал, и разговор давно уже перешел с Вирильо, самолетов и профессоров философии на совсем другие предметы.

Получив диплом инженера, Шон поработал несколько месяцев, чтобы подкопить денег на большое путешествие по Европе, и теперь переезжал из города в город, жил в свое удовольствие, ничего заранее не планируя, и останавливался там, где придет охота. Он решил дать себе год отдыха, чтобы познакомиться с самыми красивыми городами Европы, и Париж стал седьмым городом после Хельсинки, Осло, Лондона, Гейдельберга, Амстердама и Лондона, где он решил остановиться. Но это было далеко не последнее место из тех, которые он наметил посетить. Через два дня он собирался на поезде поехать в Марсель, оттуда, вероятно, в Барселону, Мадрид и Гранаду, а потом еще в Италию, чтобы посмотреть Венецию, Флоренцию и Рим, - это тоже входило в его программу.

- И ты вот просто так едешь куда вздумается? - удивлялась Нелли, высказывая из глиняного горшочка остатки шоколадного мусса.

Она никогда даже в мыслях не представляла себе, что можно пуститься разъезжать по свету, хотя бы на один год. По крайней мере не сейчас. После бакалавриата нужно было поступить в магистратуру, а затем найти себе приличную работу и уж разве что тогда подумать о большом путешествии. Таков был ее - признаться, довольно скучный - план.

- А ты не боишься, что упустишь время и не устроишь свою карьеру?

Шон только посмеялся и сказал, что ничего, мол, подобного не случится. Ему и так придется достаточно долго вертеться как белка в колесе, а сейчас он просто хочет пожить without schedule, без строгого расписания и филофакса.

- А потом, - спросила Нелли, - что будет дальше? Ты уже решил, как ты хочешь применить свой диплом инженера? Я в этом немного разбираюсь, - пояснила она, задумчиво накручивая на палец прядку волос. - Скажи, я уже говорила тебе, что мой отец тоже был инженером, так же как дед и даже прадед Жорж Бофор? Этот был знаменитый кораблестроитель, у него была целая куча патентов.

- I'm deeply impressed[34 - Здорово (англ.)]. Но как же так: ты из семьи потомственных изобретателей и вдруг выбрала философию?

- О, так уж получилось, - пожала плечами Нелли. - К сожалению, у меня этот фамильный ген полностью отсутствует. - Она сделала смешную гримаску. - В технике я ничего не смыслю. В этом отношении я, должно быть, пошла в бабушку. Она была большая умница, но ей так и не удалось разобраться с коробкой передач на своем автомобиле. - Тут Нелли улыбнулась при воспоминании о том, как бабушка вылетала из-за угла с ревушим мотором, потому что опять запуталась с переключением скоростей. - После того как умер дедушка, бабушка перешла на машину с «автоматом», что было, наверно, лучше и для нее, и для бедного автомобиля.

- Значит, твой дедушка был только зятем Большого Джорджа, - заключил Шон.

- Правильно угадал. Хочешь еще чашечку кофе? - Нелли подняла вверх два пальца и знаком показала Селине, что нужно принести еще два «маленьких черных». Затем пояснила, как бабушка ей однажды рассказывала, что знаменитый Жорж Бофор никогда бы не согласился отдать младшую дочь за того, кто не мог предъявить хотя бы диплом инженера.

- Так оно и вышло, - сказала она. - Если ты кораблестроитель, то можешь рассчитывать, что тебя примут в нашу семью, - поддразнила Нелли собеседника, сама удивляясь своему непривычно легкомысленному тону, и тут же сказала себе, что вот так нужно впредь разговаривать и с Бошаном.

- Итак, положи руку на сердце, какие у тебя планы?

- Ну... Боюсь, мадемуазель, что дипломом кораблестроителя не смогу вас порадовать.

- Ну а вообще какие-нибудь планы есть?

- Oh... yes... yes... sure...[35 - Да-да, конечно... (англ.)] - как-то неопределенно промямлил Шон.

- Ну так скажи, не темни! - не отставала от него Нелли.

- Боюсь, тебе это не очень понравится.

Нелли стрельнула в него любопытный взгляд:

- Ну, так что же это? Признавайся, уж не собираешься ли ты работать в разведке?

- Хуже! - Шон вздохнул и с выражением комического отчаяния приложил руку к груди. - Положа руку на сердце? - Он посмотрел ей прямо в глаза и расплылся в улыбке. - Я буду работать пилотом.

Домой Нелли отправилась уже далеко за полночь. Она хотела сесть на метро на станции «Мабильон», но потом передумала и решила идти пешком. Стало прохладнее, вокруг месяца образовалось зеленоватое туманное кольцо, в воздухе уже чувствовалось близкое дыхание дождливой осени. Выйдя на улицу Фур, Нелли ускорила шаг. Постукивание каблучков сопровождало ее мысли, как веселая мелодия. «Come fly with me...» Тихонько посмеиваясь про себя, Нелли на минутку задержалась перед витриной маленького магазинчика, где была выставлена дорогушая сумочка, на которую она уже давно заглядывалась, но так и не поддавалась искушению, чтобы ее купить. Заставив себя оторваться от витрины, она пошла дальше. За исключением предательского удара, который нанес ей Шон, когда, не дрогнув даже перед катастрофическим сценарием, описанным Вирильо, объявил свою будущую профессию, вечер прошел прекрасно. Она много смеялась, позже к ним подседа Жанна, и за все эти часы Нелли даже ни разу не вспомнила про конгресс в Нью-Йорке, на который она не поедет. А потом, когда вдруг вспомнила, сама не могла понять, почему так из-за

этого переживала. Ничего страшного не случилось. Это же не катастрофа! А раз профессор благополучно вернется в Париж и не свалится по дороге в Атлантический океан – а этого, если верить словам будущего пилота, совершенно нечего было опасаться, – то, значит, еще ничего не потеряно!

Рассыпавшись в заверениях, что перед тем, как продолжить путешествие, он непременно еще раз заглянет в кафе «Друзья Жанны», чтобы угоститься грушевым пирогом и осыпать комплиментами Madame la tigresse за ее прекрасные глаза, Шон наконец закинул на плечо футляр с гитарой и попрощался с обеими дамами поцелуями в щечку.

– Take care[36 - Береги себя (англ.)]. С летающим профессором все будет как надо, – шепнул ей Шон на прощание.

Нелли улыбнулась: «летающий профессор» – это ей понравилось. Когда она вскоре прошмыгнула в большие ворота многоэтажного дома на улице Варенн и отперла дверь своей квартиры, она еще не догадывалась, что все пойдет не так, как думал Шон и как ожидала она. У судьбы, как всегда, оказались совершенно другие планы.

4

Погода переменилась. Вслед за солнечным октябрём во второй половине ноября зарядили дожди. Дождь лил не переставая уже которую неделю, затопляя город, так что даже для последнего романтика Париж стал неуютным местом. Не спасала и праздничная иллюминация витрин в больших магазинах, отражавшаяся на мокрых тротуарах серебристым блеском, хотя в этом была своя особая прелесть. Сырость проникала во все закоулки, ползла по ногам и добиралась под пальто до самой шеи за плотно застегнутые воротники. Пытаясь обойти лужи, люди, недовольно хмурясь, жонглировали зонтиками, а пассажиры в метро, закутанные в плотные толстые шерстяные шарфы, чихали и кашляли.

Жертвой ненастной зимы стал и Даниэль Бошан. Две недели назад он слег с ангиной и не показывался в университете. Нелли уже не раз предлагала к нему зайти.

– Если вам что-нибудь потребуется, вы только скажите, мне ничего не стоит забежать по дороге, – заверяла она его, прижав к уху трубку и мысленно уже представляя себе, как она наводит порядок в холостяцкой кухне, заваривает чай с лимоном и подходит с чашкой к постели больного профессора, а тот благодарно пожимает ей руку, а затем, с лихорадочным блеском в глазах, движимый внезапным прозрением, открывшим ему его истинные чувства к Нелли, тянет ее к себе, и она садится на край постели. Но Бошан, к сожалению, каждый раз вежливо, но решительно отклонял ее предложение.

– Не хватало мне еще вас заразить, мадемуазель Делакур! Нет-нет, пускай уж мои бактерии остаются при мне, – отшучивался он, прежде чем приступ кашля не заставлял его положить трубку.

Очевидно, профессору достаточно было того, что его обслуживала проходящая домработница Клотильда, с ней он готов был обмениваться своими бактериями, а она в свою очередь доставляла ему все необходимое, включая лекарства, и делала на горло компрессы.

– Не беспокойтесь, пожалуйста! Я прекрасно со всем справляюсь и уже скоро выйду на работу, – сказал он при последнем телефонном разговоре.

С тех пор прошла неделя. Еще одна нескончаемая неделя! Нелли больше не решалась звонить профессору Бошану, который явно не хотел, чтобы его беспокоили. Как на грех, ей не пришло в голову ни одного убедительного предложения для того, чтобы еще раз нарушить его покой. Оставались считанные дни до того, как все расстанутся на рождественские каникулы.

Каждое утро, входя в секретарскую комнату, Нелли при виде осиротевшего стола в профессорском кабинете, дверь в который стояла приоткрытой, вздыхала про себя, тешась надеждой, что, может быть, завтра снова увидит там знакомое лицо с боксерским носом и добрыми глазами. При мысли об этом она с горячим нетерпением вспоминала про голубой конверт, который вот уже две недели таскала с собой в сумке.

– Что нового у профессора Бошана? – спрашивала она каждое утро, заглядывая в секретарскую.

– Лечит свою ангину, – неизменно отвечала мадам Борель, не особенно, кажется, скучавшая по профессору.

Погруженная в чтение иллюстрированной газеты, она рассеянно смахивала со стола крошки, оставшиеся, очевидно, от только что съеденного багета с тунцом. Узнав, что беременна, – а случилось это не очень давно, – мадам Борель пристрастилась к таким бутербродам. В остальном эта шатенка с детским личиком почти не изменилась и держалась еще более стоически, чем всегда.

– Пускай уж лучше вылежится, – произнесла она. – Вчера я так ему и сказала.

– Как вы думаете, он выйдет до Рождества? – стала дознаваться Нелли.

Мадам Борель пожала плечами:

– Что я – Иисус Христос? – Она снова погрузилась в газету, удовлетворенно погладив себя по животу, упрятанному под теплым трикотажным платьем в цветочек. – По мне, так лучше бы и не приходил.

– Не придет так не придет, – сказала Нелли, поняв, что эти разговоры ни к чему не приведут. – Скажите, мадам Борель, а расписание замен у вас уже составлено и напечатано?

Мадам Борель медленно подняла голову и нахмурилась.

– Послушайте, мадемуазель Делакур! Не могу же я делать все сразу, – объявила она с величественным видом королевы, которую донимает своими приставаниями назойливая просительница. – У меня только две руки. Если бы их было четыре, я бы выступала в цирке.

Укоризненно посмотрев в сторону двери, в которую заглядывала Нелли, она снова занялась чтением и, лизнув палец, перевернула страницу. Опустив голову, она занавесилась волосами, подстриженными так, чтобы закрывать уши.

На мгновение перед мысленным взором Нелли возникло видение многорукой мадам Борель, восседающей с покрытым цветочками животом и с вывешенным языком посреди цирковой арены, откуда она по своему усмотрению одаривает

публику милостями или отвечает отказом.

Нелли решила не отвечать на последнее замечание и только резче обычного закрыла за собой дверь.

Когда она в задумчивости проходила по длинному коридору, навстречу ей попала Изабелла Сартти. Высокая, стройная итальянка с черными глазами и короткой стрижкой, элегантностью походившая на молодую Одри Хэпбёрн (хотя и в блондинистом варианте, что ничуть не легче), осторожно несла огромную кружку кофе со сливками с одной руке и пакет со свежими круассанами – в другой. Она приветливо поздоровалась. Тонкие серебряные браслеты на запястье издали нежный звон, словно сопровождая веселому итальянскому «Чао!», и Нелли в который раз невольно подумала, что не слишком расстроится, когда эта привлекательная практикантка, несколько всполошившая мужскую часть семинара, снова уедет к себе в Болонью. Там ее ждало не только место на философском факультете, но вдобавок, как поговаривали, еще и жених по имени Леандро.

Изабелла Сартти посмотрела на нее с беспечной улыбкой:

– Будь так добра, открой мне дверь, если можешь!

– Да, конечно, – смущенно сказала Нелли.

Она проводила сослуживицу к ее кабинету и открыла дверь, на которой с внутренней стороны висел плакат из Метрополитен-музея, появившийся там в октябре.

– Пожалуйста! – сказала Нелли.

Каждый раз при виде этого плаката, репродукции знаменитой картины Пьера Огюста Кота[37 - Пьер Огюст Кот (1837–1883) – французский художник, представитель академизма.] «Буря», изображавшей спасающуюся от дождя и ветра влюбленную парочку, в ней поднималось неодолимое раздражение, которого она не могла побороть никакими силами. Ведь ни художник, ни красавица Изабелла не были виноваты в том, что у нее тогда не хватило храбрости полететь в Нью-Йорк с профессором Бошаном. Если бы тот разговор кончился иначе, думала она ревниво, то сегодня плакат, может быть, висел бы

на двери у нее. Если бы так произошло, то все бы давно разрешилось. Нелли снова вспомнила про конверт в своей сумке, который все еще не попал в руки адресата.

Изабелла вернулась тогда с конгресса в очень приподнятом настроении. Нью-Йорк, по-видимому, произвел на нее огромное впечатление. Она без конца вспоминала его в самых восторженных тонах и всем рассказывала, как интересно было на конгрессе, как вдохновенно выступали докладчики, как дружелюбны жители Нью-Йорка, как великолепны музеи, какие там чудесные парки и как прекрасны краски бабьего лета.

– Нью-Йорк тебя буквально электризует, – без конца твердила Изабелла, и Нелли едва удерживалась, чтобы не заткнуть уши.

Изабелла уселась в конторское кресло, отщипнула кусочек круассана и изящно положила его себе в рот.

– Эти штучки я буду с сожалением вспоминать, когда вернусь в Болонью, – сказала Изабелла, мечтательно разглядывая свой круассан. – Жаль, что этого больше не будет. Ваши круассаны – это что-то божественное, такие ароматные, нежные и в то же время с хрустящей корочкой... Ах, наши корнетти не идут с ними ни в какое сравнение, сколько бы туда ни напихивали ванильного крема! – Она вздохнула и от восторга закатила глаза. Затем протянула Нелли душистый пакет. – Хочешь угоститься? Они еще теплые. Только долго не раздумывай, а то, боюсь, тебе уже ничего не останется.

Нелли с улыбкой покачала головой. В сущности, простая и жизнерадостная Изабелла была ей симпатична. Изабелла, которая скоро уедет в Болонью. И которая радуется скорой встрече с женихом. Которая ничего ей плохого не сделала. Которая была на семь лет старше Нелли. И которая, к счастью, не выказывала никакого интереса к Даниэлю Бошану.

– Я не буду отнимать у тебя последние круассаны, – сказала Нелли. – Ешь сама и наслаждайся, пока ты здесь.

Изабелла кивнула и отломилась еще кусочек от своего круассана:

– Да. Бошан как-то раз сказал то же самое.

– Бошан как-то раз сказал то же самое? – удивленно повторила Нелли. – Когда же... Я в том смысле, что...

– Вчера вечером мы с ним немного поговорили, – пояснила Изабелла и облизала прилипшие к тонким пальчикам крошки. – Он еще должен подписать мне кое-какие бумаги.

«Показалось мне это или правда щеки Изабеллы слегка порозовели?» – подумала Нелли.

– Впрочем, судя по всему, он завтра выйдет на работу, – со смехом сказала Изабелла. – Ведь как жаль было бы, если бы он пропустил Рождество, верно? – подмигнула она собеседнице.

Нелли почувствовала, как радостно забилося ее сердце. Все сомнения вдруг куда-то улетучились. Завтра Даниэль Бошан вернется. Он сядет за свой письменный стол. И тогда она отдаст ему письмо и будет ждать, когда он прочтет.

«Если любишь кого-то, нужно сказать ему об этом», – говорил ей тогда в октябре Шон. Она отнеслась к этому совету серьезно. Ей потребовалось некоторое время, но в конце концов она приняла твердое решение. Больше она не повторит той же ошибки, чтобы потом не оплакивать упущенную возможность. Она, Элеонора Делакур, возьмет дело в свои руки. И тогда – наконец-то! – все будет хорошо. Самое страшное, что может случиться, – это если она заболит ангиной после того, как ее поцелует профессор. Нелли расплылась в улыбке.

– Интересно бы знать, что ты сейчас подумала? – сказала Изабелла.

– Даже не пытайся угадать, – сказала Нелли, – все равно ни за что не догадаешься.

Она помахала удивленной Изабелле рукой и скрылась в своем кабинете. Там Нелли еще раз достала конверт из своей сумки и любовно погладила бумагу ручной работы.

В этом конверте на пяти густо исписанных страницах было написано все, что могла сказать Нелли.

5

Следующий день обернулся сплошной катастрофой.

Нащупывая утром будильник, чтобы выключить звонок, Нелли, к счастью, об этом ничего не знала. Она еще немного понежилась в постели, прежде чем, скинув одеяло, спустить ноги с кровати и пошарить ими в поисках тапочек, одна из которых вечно запрятывалась под кровать.

Половицы паркета заскрипели под ногами, когда она, еще сонная, накинула махровый халат и отправилась в тесную кухоньку ставить кофе. За окном была тьма-тьмушная, и только один фонарь освещал мокрую после ночного дождя улицу. Нелли достала с полки кастрюльку, чтобы согреть молоко и взбить его в пену, перед тем как налить вместе с кофе в любимую чашку в голубой горошек, наблюдая, как смешиваются обе жидкости. Нелли любила этот утренний ритуал. Ей никогда не пришло бы в голову жевать круассан на улице или пить кофе из картонного стаканчика. В отличие от многих своих коллег, которые зачастую завтракали в университете, Нелли по утрам предпочитала никуда не торопиться. Она садилась за крошечный столик, поставленный у единственной ничем не заставленной стены, выпивала две чашки кофе, съедала кусок багета с маслом и земляничным джемом и не спеша читала «Фигаро», который каждое утро ждал ее в почтовом ящике. «К утру нужно относиться с уважением, – говорила всегда ее бабушка. – Кто начинает день со спешки, не должен потом удивляться, что у него ничего не получается».

Нелли было нетрудно принять этот совет. Даже в самое темное время парижской зимы утренние часы оставались ее любимым временем дня. В эти ранние часы она была в своем мире хозяйкой, и только тихое позвякивание чашки да шелест газетных страниц нарушали время от времени царящую тишину. Час спустя дом начинал просыпаться, наполняясь звуками повседневной жизни: то заскребет по полу передвигаемый стул, то протопают по лестнице чьи-то шаги, то захлопают двери, лестничная клетка загудит от прощальных слов с торопливыми поцелуями и плаксивого писка капризничавших детей.

Нелли глотнула крепкого горячего кофе, и сон как рукой сняло. Клэр Делакур удивилась бы, как изменился мир по сравнению с тихими вечерами в кухне с каменным полом, где пахло так вкусно. С какой неумолимой скоростью он теперь жил! Мир, в котором информации становилось все больше и больше, а все остальное утрачивало свое значение.

Все ли? Нелли крепко держала горячую чашку обеими руками. Она почувствовала легкое давление старинного гранатового кольца на среднем пальце правой руки и поняла: нет, не все вещи утратили свое значение. Она вспомнила о письме в своей сумке и спросила себя, что сказала бы бабушка о Даниэле Бошане? Чего бы только Нелли не отдала за то, чтобы еще раз посидеть вечерком на синем диване на Краю света[38 - Название департамента Финистер, в котором выросла Нелли, означает «край света».] и спросить совета у бабушки!

Уже в десять лет Нелли предчувствовала все значение той утраты, которая однажды неизбежно должна случиться. Клэр Делакур не будет жить вечно. Когда-нибудь наступит день, когда она не встанет у кухонной плиты, как утес в прибое, с бретонским спокойствием возвращая к сносному масштабу крупные и мелкие катастрофы, без которых не обходится жизнь.

- Ах, бабушка, - вздохнула девочка Нелли за чашкой сладкого какао, - что я буду делать, когда тебя однажды не станет? Почему ты не можешь навсегда остаться с нами?

- Никто не может жить вечно, детка. В конце концов приходит время, когда пора уже уходить. - Клэр Делакур, пережившая мировую войну, не была любительницей сентиментальных сцен. - Скоро ты вырастешь и пойдешь своим путем, как и все мы когда-то. И тогда ты скажешь: «Господи, на что мне сидеть возле старой бабки?» Так уж устроен мир, - шутила она.

- Ну, бабушка, как ты можешь вообще такое говорить! Я всегда буду приходить к тебе, ты же это прекрасно знаешь! - возмутилась Нелли. - Но если иначе нельзя и ты однажды умрешь, то хотя бы обещаешь, что ты подашь мне знак оттуда. Какой угодно, где бы ты ни была!

- Непременно, детка, подам! - со смехом заверила ее бабушка. - Неужели ты думаешь, что я вдруг возьму и забуду тебя только из-за того, что умерла! А теперь перестань ныть и доедай свой бутерброд.

Нелли отложила в сторону «Фигаро» и намазала багет толстым слоем масла, как тогда, когда была еще маленькой. Нет ничего проще и ничего лучше свежего багета с соленым бретонским маслом.

Наслаждаясь тающим во рту прохладным маслом, вкус которого смешивался со вкусом белого хлеба с хрустящей корочкой, Нелли подумала, что до сих пор бабушка еще не исполнила своего обещания. А затем подумала, что Клэр Делакур на ее месте не стала бы месяцами дожидаться какого-то знака. Вдобавок она не очень-то доверяла любовным письмам. И на то, разумеется, была своя причина.

Клэр Делакур смолоду была своевольна, поступала так, как хотела, и без колебаний ринулась в пучину жизни. И это притом, что у нее был строгий отец, который, как Аргус, всегда был на страже трех своих исключительно миловидных дочек. На белой вилле в стиле модерн, принадлежавшей зажиточным Бофорам, в промежутке между двумя мировыми войнами и позднее вплоть до пятидесятих годов традиционно устраивались домашние балы. Но молодые люди побаивались приглашать дочек Бофоров, потому что усатый и грозный глава семейства стоял с каменным лицом, прислонившись к дверному косяку, всегда готовый вмешаться и самолично положить конец любому попользованию, которое показалось бы ему выходящим за рамки приличий.

Тем не менее его младшая дочка, несмотря на строгий отцовский надзор, умудрилась все же влюбиться в молодого человека, а тот в свой черед с первого взгляда отдал сердце прекрасной Клэр.

Максимилиан Делакур, только что закончивший курс обучения в высшей школе и получивший диплом инженера, был на восемь лет старше Клэр, и она повстречалась с ним в гостях у своей лучшей подружки Антуанетты. За чайным столом Максимилиан тотчас же завязал оживленный разговор с молодой и веселой соседкой – Клэр тогда как раз исполнился двадцать один год. Он не скупился на комплименты и восхищенные взгляды. И случилось то, что и должно было случиться. Их руки встретились под белой скатертью, которая накрывала длинный стол, уставленный изысканным фарфоровым сервизом. В потаенной беседке обширного сада влюбленные обменялись первыми поцелуями, а Антуанетта, которой все это представлялось в высшей степени романтическим, охотно согласилась сыграть для них роль *Postillion d'amour*[39 - Любовный

почтальон (фр.).], передавая письма, в которых очень скоро было назначено место и время тайного свидания.

Выбор пал на маленькую гостиницу в Плогоннеке, куда влюбленные собирались приехать в воскресенье в полдень, чтобы совершить за закрытыми шторами то, что во все времена совершали влюбленные, невзирая на то что об этом подумают окружающие.

В своем последнем письме Клэр крупными летящими буквами написала, что не может дождаться, когда Максимилиан встретит ее в одиннадцать десять на вокзале в Плогоннеке и они разделят с ним двуспальное ложе в потаенной гостинице, где он заказал номер для себя и своей «жены» (в то время как дома она сказала, что отправляется на пикник по приглашению своей подружки Антуанетты).

Лучше бы Клэр не писала этого письма, потому что оно по несчастливой случайности попало в руки матери Максимилиана, крайне властной темноволосой особы с высоким килограммовым шиньоном на голове, которая ни в грош не ставила тайну переписки – тем более что сынок все еще жил на родительских хлебах, – и, заподозрив неладное, она не задумываясь вскрыла конверт, воспользовавшись для этого, как подобает уважающей себя даме, специальным серебряным ножичком.

Дойдя до условленного свидания в гостинице, она пришла в страшное волнение. Что же это делается! Это же полная безнравственность! Подумать только, какая-то девчонка из Кемпера нацелилась вскружить голову ее замечательному сыну, дипломированному инженеру! Этому необходимо положить конец во что бы то ни стало! Матушка ничего не подозревающего Максимилиана четко знала, кто будет выбирать будущую невестку, – это сделает только она, и никто другой! Господин Бофор имел репутацию строгого блюстителя нравственности, эта слава дошла и до ушей мадам Делакур, которая и сама принадлежала к уважаемому семейству потомственных врачей. Она давно осуждала снобизм Бофора и теперь злорадствовала, представляя себе, как вытянется лицо у этого старого хрыча, когда он узнает, какое сокровище выросло из его младшей доченьки. Нечего было закатывать домашние балы! Балы у него, видите ли!

Мадам незамедлительно села за свой аристократический секретер и написала не очень аристократическое письмо, в котором просила господина инженера-кораблестроителя приструнить свою дочку, которая ведет себя уже совершенно

непозволительно, и сделать все возможное, чтобы не допустить этой возмутительной встречи. По свойственному ей коварству мадам Делакур не предупредила об этом письме сына. Она подумала, что встреча с разъяренным месье Бофором послужит для молодого человека и его пассии хорошим уроком, который они никогда не забудут.

Судьбе было угодно сделать так, чтобы писанный маслом портрет Каролины Делакур, изображавший даму средних лет, уже весьма матронистую, с нелюбезным выражением лица, глядя на которое трудно было представить себе, что когда-то она тоже была молода, оказался в доме Клэр. Каждый раз, проходя мимо свекровкиного портрета – первоначально он висел в гостиной, но вскоре после того, как в старом каменном доме поселилась молодая хозяйка, был безжалостно изгнан в прихожую, – Клэр не могла сдержать торжествующей усмешки. При взгляде на портрет ей вспоминался тот воскресный июньский день, когда она в большой соломенной шляпке, в платье в голубую полосу, с взволнованно бьющимся сердцем ступила ногой, обутой в туфельку цвета слоновой кости, на ступеньку вагона, высматривая Максимилиана, к которому приехала на запретное свидание.

Но Максимилиана что-то не видно было на платформе маленькой железнодорожной станции. Растерянно оглядевшись по сторонам, Клэр наконец неуверенно направилась к выходу, как вдруг рядом раздался хорошо знакомый густой бас. Казалось, он исходит прямо из протянутого навстречу гигантского букета пионов с качимом.

– Здравствуй, Клэр.

У Клэр от испуга даже сердце зашлось. Перед нею откуда ни возьмись появился отец.

– Папа! – чуть слышно пролепетала Клэр, чувствуя, что близка к обмороку.

– Да, так и есть. До меня дошел слух, что у тебя здесь назначено свидание с молодым человеком, – зарокотал Жорж Бофор.

Затем он добродушно усмехнулся, сунул любимой дочери пионы и весело подхватил ее под руку.

– Твой кавалер ждет в вестибюле, и я подумал, было бы очень славно пойти втроем пообедать, как ты на это смотришь?

Бофор действительно был строг и непреклонен, когда речь шла о благополучии его дочерей. Но, столкнувшись с подлостью, он распознавал ее с первого взгляда. А то, что затеяла старая гримза Делакур, выдав с головой молодую парочку, было довольно подло. На его вкус, даже чересчур подло.

Получив ядовитое письмо Каролины Делакур, строившей свои коварные козни, он сначала пришел в неопишную ярость, узнав, что малышка Клэр собиралась его провести. Но затем он навел справки о Максимилиане Делакуре и убедился, что его младшая дочь, за которой, как он считал, нужен был глаз да глаз, на этот раз проявила хороший вкус. Молодой человек был отпрыском почтенной бретонской семьи, к тому же неплохо обеспеченной. И хотя дочку это, вероятно, несколько не волновало – у этих молодых девчонок, одуревших от любви, мысли, к сожалению, так коротки, что они не думают дальше завтрашнего дня, – пожилого отца эти сведения немного успокоили, поскольку основные требования здесь были выполнены. Несколько часов Жорж Бофор возбужденно расхаживал из угла в угол в своем кабинете. Разумеется, то, что позволяла себе эта молодежь, было сплошным безобразием, но, если верить письму старой Делакурши, «ничего непоправимого, слава богу, еще не случилось».

В конце концов возмущенный кораблестроитель пришел к заключению, что глупость, совершенная из-за любви, более прощительна, чем сознательная подлость.

И тогда он решил пересилить себя и помочь молодым дурачкам, вернув все в упорядоченное русло. То обстоятельство, что Максимилиан, которого он взял в оборот прямо на вокзале, как оказалось, искренне любил его дочь (хотя помещански скромненький букетик молодого парнишки далеко уступал шикарному букету любящего отца) – не побоимся это признать, – не сыграло решающей роли, главным для отца было то, что такой муж может обеспечить его дочке безбедную жизнь. Ведь молодой человек как-никак был инженером!

И в результате случилось так, что молодая парочка с пылающими щеками и весьма благодушного вида пожилой господин с серо-стальными глазами и пышными усами отправились в это воскресенье в лучший ресторан городка, и

все время обеда между ними царили мир и согласие.

Клэр на всю жизнь сохранила к отцу благодарность за то, что он ни словом не упомянул о тех обстоятельствах, которые привели к его неожиданному появлению на вокзале Плогоннека.

– Он ни разу меня не попрекнул, а просто явился с огромным букетом и с улыбкой пригласил пойти в ресторан. Это было в высшей степени благородно, – говорила она много лет спустя, когда Нелли приставала к ней, чтобы бабушка еще раз рассказала ей историю с букетом, которую девочке никогда не надоедало слушать.

Таким образом тайное свидание обернулось обручением, о котором было официально объявлено в сентябре того же года. К большому неудовольствию Каролины Делакур, которая от злости так скрипела зубами, что один коренной в конце концов таки выпал. Эта властная особа предприняла еще несколько серьезных попыток, чтобы воспрепятствовать неумолимо надвигающейся свадьбе. Но она недооценила силу воли своей будущей невестки.

«А это мы еще посмотрим», – мысленно сказала себе Клэр, после того как мадам Делакур во время их самой первой и довольно холодной встречи после несостоявшегося тайного свидания уколола ее, сказав, что, вообще-то, ее сын еще слишком молод, чтобы связывать себя брачными узами, и, верно, мог бы найти себе что-то получше.

Клэр, которая, как и мадам Делакур, хорошо знала, чего она хочет, сообщила тогда своему суженому, что еще подумает, не уехать ли ей лучше в Англию, если злобная старуха не прикусит свой язычок.

В семье Нелли часто пересказывали историю о том, как дедушка Максимилиан, ворвавшись в столовую, размахивал перед матушкой заряженным пистолетом, угрожая застрелиться, если Клэр не станет его женой. Во время этой драматической сцены револьвер в его руке и впрямь случайно выстрелил; к счастью, пуля не ранила никого из присутствующих, а только оставила глубокую выбоину в каменной стене, в которую впоследствии, много лет спустя, маленькая Нелли и ее кузина Жанна, бывая на кухне, с почтительным трепетом засовывали палец. Это событие лучше всех аргументов убедило Каролину Делакур отказаться от дальнейшей борьбы. С тех пор она помалкивала, в душе

продолжая ненавидеть невестку, пока наконец не была вынуждена с досадой признать, что Максимилиан и Клэр Делакур, обвенчавшиеся в декабре (событие, в честь которого в доме Бофоров был в последний раз задан блистательный бал), были не только замечательно красивой парой на свадьбе, но и прожили очень счастливо в браке, плодом которого стали два сына, причем один из них даже сделался инженером.

Клэр, кстати, была единственной из трех дочерей Бофора, кому довелось выйти замуж. Две другие сестры, не столь своевольные, Анн-Соланж и Мария, оставались под отцовским присмотром, пока бдительный надзор за их добродетелью со временем не утратил былой необходимости. После этого одна сделалась учительницей и стала жить отдельно, деля квартиру (а как впоследствии поговаривали в семье, также и постель) с подругой, которая работала портнихой. Вторая так и прожила всю жизнь в белой вилле с родителями, оборудовала для себя комнату в башенке, посвятив себя заботливому уходу за небольшим розарием, и даже написала там несколько стихотворений, которые с ее смертью канули в пучину забвения.

По счастью, история Клэр и Максимилиана завершилась благополучно. Иначе не появился бы на свет ни ее отец-инженер, ни она сама, подумала Нелли. Погруженная в воспоминания, она рассеянно вертела на пальце кольцо, как бы вызывая дух бабушки Клэр Делакур, которая в том, что касается любви, так уверенно шла по жизни избранным однажды путем.

«Сегодня тебе как раз самое время вспомнить обо мне, бабушка, – произнесла про себя Нелли. – „L'amour gagne toujours! – Любовь всегда победит!“ Это же было твое кредо, не так ли?»

Нелли улыбнулась. По крайней мере, ей не нужно выяснять отношения с коварной свекровью, а требуется всего лишь вручить письмо таким образом, чтобы оно точно не попало в чужие руки.

Через полчаса она была одета и готова к выходу. Посуда помыта, кровать застелена. Нелли крепко захлопнула дверь своей двухкомнатной квартирki на улице Варенн и заперла ее на два оборота. Затем бегом спустилась с пятого этажа, раскрыла клетчатый зонтик и бодрым шагом вышла на утреннюю

парижскую улицу.

Полчаса спустя Нелли под непрекращающимся дождем взбежала по ступеням, ведущим в университетское здание.

Мадам Борель поздоровалась с набитым ртом. Тунцом пахло на весь секретариат.

– Пришел сегодня, – довольно бесцеремонно сообщила она, кивнув на закрытую дверь.

Нелли тоже кивнула:

– Я знаю.

Уже скоро она постучалась в кабинет профессора Бошана, еще не догадываясь, как нужен ей будет сегодня бабушкин совет!

Или хоть чей-нибудь.

6

Даниэль Бошан во время болезни оставался далеко не таким заброшенным и несчастным, как это рисовалось в воображении Нелли. У него действительно была высокая температура, и больно было глотать, но большую часть времени он проводил в приятном полумраке, лежа под одеялом, и с удовольствием болеющего человека, которому не нужно выходить на улицу, прислушивался к шуму дождя в ожидании, когда скрипнет замок и повернется ключ.

Бошан уже и не помнил, когда у него в последний раз было гнойное воспаление миндалин. Наверное, в детстве? Но среди прочих хороших вещей, связанных с этой болезнью, вроде мороженого, которое приятно охлаждало глотку, главное место занимала тонкая, прохладная ладонь, с нежной заботой трогавшая его лоб, и это касание сопровождалось легким позваниванием серебряных браслетов, которое представлялось ему звуком ангельских колокольчиков.

Нетрудно догадаться, что нежная ладонь принадлежала не домработнице Клотильде, которая дважды в неделю топотала в квартире, ворчала на беспорядок и наводила идеальную чистоту.

Не кто иная, как Изабелла Сарти, сидела каждый день у кровати Бошана и влюбленно смотрела на него, хотя он был красен как рак, а глаза сделались как щелочки. И после ее ухода у профессора оставалось много времени для того, чтобы мысленно возвращаться в Центральный парк, где все началось с грозы, разразившейся над ними обоими так внезапно, как будто это Купидон выпустил в них свои стрелы.

Эти картины проходили перед взором профессора словно фильм, который он в любой момент мог включить и просматривать снова и снова. На второй день конгресса несколько участников сговорились прогуляться после заседания по осеннему парку, в котором деревья полыхали пожаром красных, оранжевых, желтых и темно-фиолетовых оттенков. Но как дошло до дела, большинство под тем или иным предлогом отказались идти: кто-то слишком устал, кому-то хотелось поскорее вернуться в гостиничный номер или пройтись по магазинам Пятой авеню, так что в конце концов из всех желающих остались только он да Изабелла, вдвоем они ходили по парку в центре Нью-Йорка, беседуя и любуясь роскошной игрой красок.

– Такой красоты я никогда еще не видела. – У Изабеллы был характерный итальянский акцент, составлявший чарующий контраст с ее элегантной внешностью. Неожиданный порыв ветра взъерошил ей челку, закрыв волосами лицо. – Кстати, ваш доклад был просто великолепен.

– Вы так находите? – спросил польщенный Бошан, и тут упали первые капли.

– Какая подлость! Похоже, начинается дождь, – воскликнула Изабелла, ускоряя шаг.

– Думается, вы правы, – согласился Бошан, стараясь идти в ногу с высокой спутницей и не отстать.

Его хромота усилилась. К сожалению, усиливался и дождь, на небе сгущались грозные тучи, в воздухе прокатился могучий раскат грома. Изабелла вскрикнула

и вцепилась в руку профессора, и тут хлынул ливень, они кинулись спасаться. Но куда бежать?

Бошан первым заметил небольшой павильон:

- Туда!

Он сорвал с себя плащ и поднял его как парус у них над головами. Хохоча и кляня непогоду, они побежали по парку. Когда, запыхавшись, они вбежали в павильончик, оба были уже насквозь мокрые, снаружи шумел дождь.

- *Mamma mia!* - еле переводя дух, воскликнула Изабелла. - Ну и погодка!

Она была почти одного роста с профессором, сквозь запотевшие очки он видел прямо перед собой ее лицо, залитое водой. Тушь с ресниц растеклась под глазами. Профессору стало смешно.

- Вы могли бы поступить в качестве экспоната в зоопарк Центрального парка. Сейчас вы похожи на медвежонка панду, - сказал он.

- А у вас такой вид, точно вы вообще ничего не видите!

Изабелла Сартри так и прыснула, а за ней рассмеялся и он, и они корчились от смеха и никак не могли остановиться. На них вдруг накатила волной сумасшедшая жажда жизни и понесла, и вскоре, когда они, отсмеявшись, очутились друг против друга в павильоне, кроме туши для ресниц, размазанной оказалась и помада на губах Изабеллы.

После того неожиданного поцелуя в Центральном парке Нью-Йорка, вслед за которым из уст Изабеллы вырвалось испуганное «Ах, а как же Леандро!», оба уже не могли жить друг без друга. Таким образом, эти дни проходили не только под знаком теорий Вирильо о скорости и катастрофах - катастрофа уже произошла, причем со скоростью света, - но и сопровождались несмелым стуком в дверь гостиничного номера и такой страстью, которая уж точно скорее соответствовала бешеному ритму современного мира, чем теоретическим выводам Вирильо. И после того как в последний день заседаний конгресса Изабелла в восхищении замерла перед картиной Огюста Кота, репродукцию

которой из музейной лавки ей затем подарил Бошан и которая теперь висела на двери ее кабинета на философском факультете, где ее с каким-то нехорошим и, как оказалось, вполне оправданным чувством рассматривала потом Нелли, оба наконец поняли, что пора подумать о будущем и легализовать отношения, которые они со всяческими предосторожностями продолжали поддерживать в Париже.

Болезнь профессора случилась очень кстати, так как в часы, проведенные с ним в пропахшей ментолом и лимоном спальне, Изабелла приняла печальное решение расстаться с женихом («бедный, бедный, Леандро!»). Но представить себе жизнь вдалеке от своей многочисленной семьи она тоже была не в состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кофе с молоком (фр.).

2

На четверть часа позже указанного времени (лат.) – о допустимом времени опоздания преподавателя на лекцию.

3

«Глупые слова» (англ.).

4

«Странники в ночи» (англ.).

5

Хоакин Соролья-и-Бастида (1863–1923) – испанский художник-импрессионист.

6

Лоранс Бост (р. 1972) – французская художница.

7

«Полетели со мной» (англ.).

8

«Давай улетим, давай улетим отсюда...» (англ.)

9

«Как только мы окажемся на небесах... Я обниму тебя крепко-крепко...» (англ.)

10

«Это такой потрясающий день...» (англ.)

11

Финистер – департамент на западе Франции.

12

Почему вы такая печальная, мадемуазель? (англ.)

13

Ага... (англ.)

14

Черт возьми (англ.).

15

Ну да... (англ.)

16

Английская поговорка, по смыслу примерно то же, что «кто не рискует, тот не пьет шампанского».

17

Не стоит переживать! (англ.)

18

Ах вот что! (англ.)

19

Имеется в виду американский фильм 1989 года «Когда Гарри встретил Салли».

20

Круто! (англ.)

21

Жизнь – сплошное беспокойство. Покой бывает в могиле (англ.).

22

Господи (фр.).

23

Только и всего (фр.).

24

Пауза (англ.).

25

Итак (англ.).

26

А вот и нет (англ.).

27

Ну и что? (англ.)

28

Вот как? (англ.)

29

Гречневый блинчик с утиной грудкой (фр.).

30

Салат с козьим сыром (фр.).

31

S'il vous plait – пожалуйста (фр.).

32

Шоколадный мусс (фр.).

33

Тигрица (фр.).

34

Здорово (англ.).

35

Да-да, конечно... (англ.)

36

Береги себя (англ.).

37

Пьер Огюст Кот (1837–1883) – французский художник, представитель академизма.

38

Название департамента Финистер, в котором выросла Нелли, означает «край света».

39

Любовный почтальон (фр.).

Купить: <https://telnovel.com/ru/nikolya-barro/kafe-malen-kih-chudes>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)